

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ»**ПОДСЕКЦИЯ №1 «НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ»****Актуальные проблемы исследования социально-психологических аспектов
отношений собственности*****Башкаева Ольга Анатольевна****молодой ученый**Нижегородский государственный технический университет им Р.Е. Алексеева, Нижний
Новгород, Россия.**E-mail: bashkaeva@yandex.ru*

Глубокие социально-экономические преобразования характеризуют состояние современного российского общества. Значительные изменения претерпевает вся совокупность отношений людей к самим себе, межличностных отношений, отношений в производственной сфере. Происходят радикальные изменения в системе отношений собственности. 1 февраля 2008 года вступил в силу Закон «Об исполнительном судопроизводстве». Согласно документу судебные приставы получили право свободного доступа в дом должника, а в некоторых случаях и без предупреждения. Данный закон вызвал широкий общественный резонанс. Все аспекты, касающиеся собственности и ожидаемой государственной защиты от вторжения на «территорию собственности» имеют первостепенный характер. Даже не смотря на то, что закон регулирует положение должника, а не законопослушного гражданина – такое положение может вызывать психологическое напряжение у большинства граждан.

Собственность – это прежде всего экономическая категория, но одновременно она может рассматриваться с философской, социальной, правовой и психологической точек зрения.

По Г.Гегелю, «право собственности возникает в процессе товарного обмена. Чтобы обменяться товарами, необходимо, прежде всего, признать друг друга собственниками, ведь иначе обмен по стоимости не может состояться. Этот «момент признания» и есть право собственности». Таким образом, отношения собственности – это субъект - объектные и субъект – субъектные отношения.

Отношения собственности исследовались преимущественно социологами, экономистами и юристами, тем не менее отношения собственности обладают социально-психологической основой.

Теоретическое осмысление социально-психологических аспектов отношений собственности получило развитие в трудах А.Ф. Лазурского, В.Н. Мясищева (рассматривали содержание и структуру отношения к собственности); в работах З. Фрейда и Э. Фромма (изучали подсознательное стремление к обладанию собственностью), в исследованиях Р. Мэйли, У. Джеймса (анализировали представленность собственности в структуре личности). В настоящее время ряд российских исследователей изучают различные аспекты отношений собственности представителей разных социально – профессиональных групп (А.Л. Журавлев, М.В. Кирюхина, В.П. Позняков, А.Л. Темницкий), последствия депривации отношений собственности (Н.К. Радина, В.И. Слуцкий).

Важно обратить внимание на исследования отдельных структур личности, которые непосредственно зависят в своем становлении и развитии от того, в каких условиях человек живет и какой собственностью обладает и распоряжается. Так, понятие

«психологическое пространство личности» исследователи рассматривают как «значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни субъекта и защищаемый им доступными физическими и психологическими средствами». Это пространство включает комплекс физических, социальных и чисто психологических явлений, с которыми человек отождествляет себя (территория, предметы, привязанности, установки). Измерения психологического пространства, по определению С.К. Нартовой-Бочавер, - это «контурные точки» описания личности во всей простоте или сложности её устройства.

Согласно эмпирическому исследованию С.К. Нартовой-Бочавер, психологическое пространство личности переживается субъектом как сохранное или нарушенное, что выражается в чувстве покоя или беспокойства; осознается вблизи своих границ и не осознается в тех областях, которые в последнее время не подвергались изменениям; выражается в поведении, направленном на объекты значимые для внутреннего мира. Границы пространства определяют отношение к малому и большому социуму – семье и друзьям, социальной группе, этносу, человечеству. Феномен «отношения» существенно влияет на принятие или непринятие изменений в обществе. Общий уровень социально – психологического благополучия и экономического благосостояния является фактором, влияющим на процесс политической социализации общества. В результате реформ бывшее государственное жилье в массовом масштабе перешло к населению. Этот переход был инициирован государством. Часть населения становилось собственниками жилья не по собственной внутренней мотивации, а «под прессом» необходимости, ввиду проводимых государственных реформ.

Согласно цели нашего исследования, необходимо описать и проанализировать социально-психологические последствия практики правообладания жилой собственностью, а также социально-психологические последствия депривации отношений собственности на жилье. Мы полагаем, что опыт владения правами собственности на жилье оказывает влияние на эмоциональный фон личности владельца и обуславливает сохранность его психологического пространства. Тем не менее, отношения собственности затрагивают как социально-психологическую, так и социальную сферы субъектов исследования, поэтому для создания адекватной реальности программы эмпирического исследования необходимо использование и психологических, и социологических концепций.

Проблема социально – психологического отношения к собственности требует комплексного, междисциплинарного рассмотрения и предполагает научный поиск на прикладном (эмпирическом) и теоретическом (концептуальном) уровнях.

Литература.

1. Гегель Г. Политические произведения. М., 1978. - С.300.
2. Нартова-Бочавер С. К. Опросник «Суверенность психологического пространства» - новый метод диагностики личности// Психологический журнал. 2004. том 25. №5. - С. 77-89.
3. Нартова-Бочавер С.К. Понятие «Психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение// Психологический журнал, 2003, том 24, № 6, с. 27-36.
4. Российская газета - Центральный выпуск №4576 от 31 января 2008 г.
5. Радина Н.К. Экономическая социализация воспитанников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей// Психологическая наука и образование. 2006. №4. С.100-105.

Социально-психологический аспект профилактики алкоголизма**Березина Елизавета Борисовна***молодой ученый**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия**E-mail: berezina_el@mail.ru*

Здоровье – это одна из важных ценностей в жизни человека, которая определяет качество его жизни, а пропаганда здорового образа жизни – комплексный процесс и социально-психологические знания играют значимую роль в решении проблем, связанных со здоровьем и болезнью [1,2]. В этом контексте профилактика социально-значимых болезней приобретает особое значение, т.к. оказывает воздействие не только на качество жизни больного, но и на его социальное окружение и общество в целом. Одной из таких болезней является алкоголизм, которым в России поражены более 2 миллионов человек [3] и который непосредственно связан с культурой и нормами поведения в обществе [4]. Высокий уровень алкоголизации населения может свидетельствовать о недостаточной эффективности существующих превентивных мер. С нашей точки зрения, теория социальных представлений обладает определенным потенциалом в решении проблем построения успешной системы профилактики, т.к. социальные представления - это своего рода «теории», которые люди вырабатывают посредством коммуникации для объяснения различных объектов или явлений и которые направляют поведение индивидов. Структура представления включает в себя зону ядра и периферию. Ядро как основная часть организует представление и придает ему смысл; а периферическая система обеспечивает защиту представления от изменения и связь его с реальностью.

В этой связи было проведено исследование, целью которого являлось изучение социальных представлений об алкоголизме у молодежи. Объектом исследования стала молодежь в возрасте от 17 до 27 лет, 101 респондент, 59 женщин, 42 мужчины. Предметом исследования стали социальные представления об алкоголизме. Мы исходили из предположения о том, что в зоне ядра представления об алкоголизме будут содержаться понятия, указывающие на личную ответственность человека за возникновение болезни. Метод исследования – опрос. Анкета состояла из двух частей: в первой части респондентам предлагалось написать ассоциации со стимулом «алкоголизм»; во второй - ответить на вопросы о социально-демографических показателях.

Результаты исследования.

Всего респонденты предложили 504 ассоциации со стимулом «алкоголизм», на основе которых был составлен словарь, состоящий из 223 понятий. Самой частой категорией в ассоциациях на алкоголизм является болезнь – 36,6%, затем зависимость – 26,7%, водка – 22,8%, спиртное – 13,9%, бомж и проблемы в семье – по 10,9%. Все остальные категории упоминались менее 10 раз: похмелье, печень, нищета, смерть – по 7,9%; головная боль, безработица – по 6,9%; грязь, слабый характер, запой, неадекватность, проблемы, страх, цирроз печени, безысходность – по 5,9%.

Содержание и структура представления об алкоголизме.

Составляющими зоны ядра представления об алкоголизме стали 6 понятий: болезнь, водка, спиртное, похмелье, печень, нищета. В число элементов периферической системы входят: грязь, слабый характер, головная боль, зависимость, бомж, проблемы в семье, деградация, смерть, запой, неадекватность, проблемы, страх, цирроз печени, безысходность, безработица. Эти понятия составляют 45% от высказанных ассоциаций.

В зоне ядра представления об алкоголизме присутствует понятие болезнь, при этом понятие зависимость – основная характеристика этой болезни, - не входит в зону ядра представления и находится в периферической системе. Это указывает на некоторую противоречивость в представлениях об алкоголизме и позволяет нам предположить, что, возможно, алкоголизм как болезнь не имеет четких критериев для определения.

В зоне ядра представления с понятием болезнь соотносятся: похмелье – симптом; печень – орган, часто поражаемый при алкоголизме (в периферической системе цирроз печени как пример), а в периферической системе: головная боль – последствие интоксикации организма алкоголем, смерть как долгосрочное последствие алкоголизма, запой – поведенческий аспект болезни. В зоне ядра содержатся два понятия – спиртное и водка, которые указывают на вещества, неумеренное употребление которых приводит к возникновению алкоголизма.

Еще одно понятие в ядре – нищета – вводит некий социальный контекст в представление об алкоголизме. И с одной стороны может рассматриваться как причина алкоголизма – от нищеты, безысходности и безработицы «пьют горькую», с другой стороны, как последствие алкоголизма: пьющие люди часто обрекают себя на нищету, безработицу, приобретение статуса бомж и появление ощущения безысходности как у себя, так и у окружающих. Возможно, ощущение грязи – как физической, сопровождающей проживание на улице или в нищете, так и «моральной», как некое ощущение брезгливости по отношению к опустившемуся людям.

В периферической системе указаны слабый характер и неадекватность – личностные характеристики больного, которые могут провоцировать возникновение заболевания. В качестве последствий алкоголизма указаны проблемы в семье и просто проблемы. Понятие, касающееся эмоциональных аспектов алкоголизма, только одно – страх в собственно периферической системе: возможно, имеется ввиду страх окружающих, который они испытывают находясь рядом с алкоголиком.

Выводы

1. Алкоголизм представляется как болезнь, т.е. не зависящее от воли человека состояние, что не подтверждает нашу гипотезу. Однако это не совсем согласуется с данными исследования С.Климовой, в котором большинство опрошенных отметили, что видят причину алкоголизма в самом человеке, обстоятельствах его личной биографии [5].

2. Алкоголизм – болезнь неблагополучных слоев населения (нищие, деградирующие) и слабых личностей, неспособных справиться с проблемами. Это может создать иллюзию, что социально успешный человек не может стать алкоголиком, поэтому в профилактических программах, возможно, будет полезно указывать, что алкоголизмом может заболеть любой, независимо от социального положения.

3. В представлении об алкоголизме содержатся преимущественно негативные социальные последствия болезни (безработица, проблемы в семье), которые характеризуют уже запущенную стадию. Акцент не только на последствиях, но и на причинах возникновения алкогольной зависимости, ее признаках и течении может способствовать тому, что люди станут больше внимания уделять рискованному поведению, как своему, так и близких.

4. Необходимо отметить, что среди элементов структуры представления в качестве напитков, ассоциируемых с алкоголизмом, указаны только водка и спиртное в общем, которое скорее ассоциируется с крепкими напитками. Может быть важно в превентивных программах подчеркивать, что некрепкие алкогольные напитки также могут вызывать зависимость.

Литература

1. Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни. М., 2007
2. Гурвич И.Н. Социальная психология здоровья. СПб., 1999.
3. Социально-значимые заболевания населения России в 2006 году., М., 2007.
4. Братусь Б. С. Аномалии личности.- М., 1988
5. Климова С. Алкоголизм: обыденные теории // Социальная реальность, 2007, №2.

Исследование особенностей восприятия современной городской среды¹**Ванина Ольга Евгеньевна**

аспирант

*Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия**E-mail: VanOla@ngs.ru*

Визуальная среда может либо радовать глаз, доставлять эстетическое удовольствие, либо вызывать психологический дискомфорт, что, в свою очередь, может либо обогатить человека духовно, либо привести к заболеванию. Сейчас остро стоит вопрос психологии среды потому, что человек большую часть времени вынужден находиться в искусственной визуальной среде. Облик современного большого города сильно отличается от привычного образа города, а именно: увеличивается высота и количество зданий, увеличивается количество людей на улицах города, появились рекламные щиты, появляются новые виды дополнительного освещения (реклама с подсветкой), граффити становится неотъемлемой частью городов. В свете этих изменений возникают новые вопросы: к чему приводит увеличение количества людей, как сказывается обилие типовых многоэтажек, граффити, точечной застройки, рекламы и других объектов на городских жителях. Городская среда, являясь постоянно воспринимаемым визуальным фактором, оказывает большое влияние на психическое самочувствие горожан, таким образом, это фактор, который следует тщательно изучить, прежде чем приступать к каким-либо изменениям в облике города. Следовательно, архитекторам необходимо знать особенности восприятия городской среды и потребности жителей города. До сих пор наука не разработала каких-либо нормативных документов по формированию психологически комфортной визуальной среды, нет требований по допустимым отклонениям.

Наше практическое исследование направлено на изучение восприятия городской среды, и таким образом, может служить ориентировочным материалом при проектировании городской среды с учетом психологических особенностей её восприятия. Первым этапом нашего исследования стало изучение граффити как неотъемлемой части внешнего облика города; также были изучены психологические особенности граффитистов. Следующим этапом исследования стало комплексное изучение восприятия городской среды человеком и связь особенностей этого восприятия с личностными характеристиками (креативность, толерантность² и художественно-эстетическая потребность). Данные, полученные в результате нашего исследования, могут быть использованы в процессе обучения студентов специальностей архитектура и дизайн, так как одной из задач градостроительной подготовки студента-архитектора, по мнению Б.Г. Бархина, является расширение и углубление знаний студента о роли архитектуры в организации окружающей среды.

Методы исследования: психологическое тестирование, анкетирование и контент-анализ ответов на вопросы. В исследовании были использованы 9 методик, 6 из которых разработаны нами. Эмпирическая база исследования: 609 человек, учащиеся школ и студенты различных специальностей.

Основные результаты нашего исследования:

1. Восприятие человеком окружающего пространства зависит от личностных особенностей: обнаружена связь между личностной толерантностью, личностной

1 На примере г. Новосибирска

2 Работа была выполнена в рамках ФЦП «Формирование толерантных установок сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005гг)»

креативностью и особенностями эстетического восприятия; установлено, что люди, у которых показатели толерантности выше, склонны оценивать городскую среду более позитивно.

2. Студенты, обучающиеся различным специальностям, по-разному воспринимают городскую среду. Выявлены основные характеристики городской среды, по которым обнаруживаются существенные различия в оценках города Новосибирска и города, в котором испытуемые предпочли бы жить.

3. Существуют характеристики и явления городской среды, оказывающие негативное влияние на психику горожан, вызывающие психологический дискомфорт. Установлено, что загрязненность улиц и домов, а также реклама оказывают большое влияние при восприятии городской среды, вызывают наиболее негативные эмоции и чувства. Установлено, что граффити как явление городской среды, непрерывно находясь в поле зрения людей, вызывает у них негативные эмоции и чувства, что может способствовать проявлению интолерантности. Установлено наличие феномена краудинга³ среди жителей Новосибирска, что является дополнительным стрессовым фактором для горожан.

На основании литературных данных и проведенных нами исследований (2002-2007гг) можно констатировать, что восприятие городской среды зависит от таких факторов как личностные качества (толерантность и художественно-эстетическая потребность) и выбранная специальность. При этом важно, что не наблюдается различий между группами в оценке образа города, в котором испытуемые предпочли бы жить, т.е. возможно сформировать такую городскую среду, которая была бы оптимальной для гармоничного развития и взаимодействия жителей города.

Нами был обнаружен фактор, содержащий негативные характеристики, определяющие оценку внешнего облика города. К ним относятся: грязный, неухоженный, молодой, неуютный, холодный, тусклый, злой, жесткий. Именно по этим параметрам испытуемые указывали на несоответствие облика Новосибирска городу, в котором они предпочли бы жить. В связи с тем, что в описании города присутствуют характеристики «злой» и «жесткий», встает вопрос толерантности, потому как оценивание городской среды как нетолерантной может провоцировать интолерантное поведение людей, живущих в этой среде. Важно, что к негативно оцениваемым параметрам нашего города также относят характеристику «молодой», т.е. испытуемые предпочли бы жить в городе, давно основанном, имеющим свою историю, памятники старины и т.д. Следовательно, излишняя модернизация городской среды, непродуманные нововведения в пространство города, уничтожение зданий, построенных по архитектурным образцам прошлого, может вызывать у людей негативные эмоции, что следует учитывать при проектировании современной городской среды.

Много прилагательных, характеризующих город, в ответах испытуемых указывают на отношение к городу как к живому, что показывает, насколько велико воздействие окружающей среды на человека и как важно заниматься этой проблемой. Мы надеемся, что наша работа будет способствовать объединению и сотрудничеству людей, от которых зависит проектирование нашего города.

³ Стресс, вызванный субъективным ощущением нехватки пространства

Особенностей отношения к деньгам людей с различным уровнем личностной зрелости

Вовк Виктория Андреевна⁴

студентка

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

E-mail: acorn@mail.ru

В современном мире деньги не относятся только к группе материальных ценностей, они могут быть средством достижения также социальных и духовных целей.

Наше исследование опирается на положения теории В.Н. Мясищева, в которой отношение к деньгам понимается как компонент системы теоретических представлений личности, отражающий ее субъективно-оценочный, сознательно избирательный подход к действительности и представляющий собой интериоризированный опыт существования в социальном окружении.

Согласно современным концепциям постиндустриального общества (В.Л. Иноземцев) преодоление экономических ограничений социума возможно не через трансформацию социальных структур, а вследствие духовной и интеллектуальной эволюции людей, личностного роста. Однако исследований взаимосвязи личностного роста и отношения к деньгам не проводилось.

Отношение к деньгам взаимосвязано с потребительским поведением и часто его определяет. Личностная зрелость как один из критериев типологизации потребителей широко используется за рубежом в маркетинге стилей жизни (Дж.Ф. Энджел и др.), является одним из критериев социальной стратификации.

Ряд отечественных и зарубежных психологов обращают внимание на то, что отношение к деньгам изменяется по мере развития личности и самоактуализации (А.А. Капустин, В. Poduska). В результате анализа опубликованных за последние двадцать пять лет работ сведений об эмпирической проверке таких предположений не обнаружено. Мы считаем, что понимание сущности отношения людей к деньгам получит свое развитие за счет сравнительного анализа отношений к деньгам у людей с разным уровнем личностной зрелости.

Теоретической основой исследования стали базовые положения психологической концепции В.Н. Мясищева об отношении и диспозиционной концепции В.А. Ядова применительно к изучению психологических особенностей монетарных отношений, а также теории личностного развития (А. Маслоу, Л.И. Анцыферова).

Для решения поставленных задач использовались психодиагностические методики (тесты и опросники) и стандартизированное интервью, позволяющие зафиксировать следующие группы параметров объекта:

уровень ценности денег в сравнении с уровнем других ценностей и уровень монетарной потребности (опросник “здорового отношения к деньгам”);

характеристики монетарных социальных установок: тип установки, степень следования (структурированное интервью, авторская анкета).

уровень личностной зрелости, оцениваемый по шкалам Самоактуализационного теста (САТ).

Заключительным этапом исследования стал статистический анализ полученных данных, их сравнение и соотнесение между собой с целью выявить отличия в отношениях к деньгам в группе личностно зрелых людей.

⁴ Автор выражает признательность к.п.н. Курьшевой О.В. за помощь в подготовке исследования и тезисов.

Проведенное нами исследование позволило нам сформулировать новый подход к понятию “монетарные отношения”. В соответствии с ним эти отношения рассматриваются как компонент целостной системы отношений личности, отражающий ее индивидуальный, субъективно-оценочный, избирательный подход к деньгам как объекту действительности и представляющий собой интериоризированный опыт обращения с деньгами и взаимодействия с другими людьми по поводу денег в специфической социокультурной ситуации. Монетарные отношения личности отличаются относительной устойчивостью и обобщенностью, характеризуют жизненную позицию человека относительно денег, содержат в себе систему более частных монетарных отношений. Мы выделили два основных компонента установок по отношению к деньгам: аффективный (связывающий деньги с различными эмоциями: тревога, стыд, вина, возбуждение и т.д.) и мотивационно-волевой компонент (связь денег с достижениями, уважением, доходом, манипулированием людьми и т.д.). Исследование показало, что существуют отличительные особенности в отношении к деньгам у людей, имеющих высокий уровень личностной зрелости. Эти особенности проявляются на уровне ценностей, потребностей и степени их удовлетворения, социальных установках, переживаниях, связанных с деньгами, мотивах использования денег. Как показало исследование, у личностно зрелых людей ниже ценность денег и выше уровень монетарной удовлетворенности. У них формируется более рациональное и осознанное отношение к деньгам, которые воспринимаются как средство, и не происходит их фетишизации, преобладание установок на рациональное потребительское поведение.

Литература

1. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.
2. Шостром Э. Анти-Карнеги или Человек-манипулятор. Минск: Полифакт, 1992.
3. Алешина Е.Ю., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М., Кроз М.В. Измерение уровня самоактуализации личности // Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. М.: Изд-во МГУ, 1987.
4. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. — М.: Наука, 1987.
5. Фенько А.Б.. Проблема денег в зарубежных психологических исследованиях. Психологический журнал , № 1 - 2000.
6. Семенов М.Ю. Особенности отношения к деньгам у самореализующихся людей //: Материалы Международного психологического конгресса. Кострома, 23-24 октября 2003 г., Т.2 / Отв. ред.: А.Л. Журавлев, Н.П. Фетискин. - М.: Кострома, КГУ им. Н.А.Некрасова, 2003.
7. Семенов М.Ю. Представленность денег в образе мира (статья) // Сибирский психологический журнал. – 2000. – Вып. 12.

Анализ индивидуальности личности через среды идентификации

Вопнерук Елена Александровна

молодой ученый

Уральский государственный университет им.М.Горького, Екатеринбург, Россия.

E-mail: vopneruk_e@mail.ru

Существует множество подходов к определению личности, существует и множество психологических теорий личности. Но все они, на наш взгляд, могут быть сведены к двум основаниям в связи с проблематикой исследования:

- во-первых, рассмотрение личности как структурного образования;

- во-вторых, типологизация личности через выделение критериев.

Первое направление исследований посвящено анализу личности, как образования, состоящего из элементов, объединённых в некую целостность. Личность рассматривается как уникальный сплав элементов. В зависимости от того, какие элементы будут рассматриваться – можно увидеть разные варианты структуры, отражённые в теориях личности. В рамках второго направления исследований, личность как тип, многочисленные различия между человеческими индивидуальностями сводятся к определенным категориям. Поиск характеристик определенных типических различий у людей обусловлен, прежде всего, исследовательской установкой: разделение объектов и их группировка необходимы для сравнительного изучения существенных признаков, связей, функций, отношений, уровней организации объектов. Тем самым преодолевается с одной стороны, уникальность личностной организации, а с другой стороны, её очевидное единообразие.

В отечественной психологии (А.Н.Леонтьев, А.Г.Асмолов) неоднократно подчёркивается факт, что личность представляет собой особое образование, которое не может быть выведено из приспособительного адаптивного поведения. Личность, выступая как активная структура в развивающейся системе отношений, оказывается носителем двух тенденций: тенденции к сохранению, воспроизведению родового опыта системы и тенденции к изменению, «расширенному воспроизводству», что обеспечивает появление в системе инноваций. В первом случае, личность будет проявлять утилитарные функциональные качества, в которых личность и система будут выступать как одно неразрывное целое; а во втором - в личности будут проявляться самобытные индивидуальные системные качества, возникающие благодаря включению личности в систему общественных отношений. Таким образом, существует предрасположенность индивида или группы индивидов определённым образом реагировать на явления социальной действительности, имеющих некоторую систему оценок, представлений социальных объектов, а также готовность действовать по отношению к ним определённым образом.

У каждого человека существует свой уникальный образ мира, социальной действительности. Человек формирует свой «жизненный мир», активно простирает своё «субъективное жизненное пространство», через которое затем и взаимодействует со средой, принимая её, но сохраняя свою индивидуальность. Постоянно взаимодействуя с социальной реальностью, человек одновременно преобразует и эту реальность и себя. Социальная ситуация, действительный мир находят своё отражение в индивидуальности человека и затем воссоздаются, транслируются им. Изменение жизни, изменения социальной ситуации предполагают и изменение человека, через принятие новых условий и их интеграцию. Воспринимая и адаптируясь к новой социальной ситуации, человек опирается на свой предыдущий опыт, на собственный образ мира. И потому у каждого будет разная мера изменчивости и внутренней согласованности «жизненного мира», что будет влиять на эффективность принятия изменений социальной реальности: от принятия и интеграции новых социальных условий, до полной социальной дезадаптации.

Сам термин «социальная реальность» не имеет однозначной трактовки. Поэтому представляется важным операционализировать данное понятие, тем самым, сделав его более доступным для исследований. Сущность социальной реальности можно определить через набор социальных взаимосвязей, с которыми человек себя идентифицирует или от которых он себя отличает. То есть в социальном контексте необходимо выделить некоторые системы и анализировать взаимодействия человека именно в контексте конкретных социальных систем, социальных «сред». Нам представляется целесообразным опираться на концепцию Э.Тоффлера, позволяющую

рассматривать социальную действительность как единство пяти систем, связанных временной перспективой:

- «люди» - набор персонажей, с которыми связан опыт человека,
- «вещи» - множество созданных человеком материальных предметов, окружающая обстановка, сотворённая при помощи технических средств
- «места» - определённое место действия или арена опыта человека,
- «организации» - расположение человека в организационной сети общества,
- «идеи» - контекст идей или информации.

Через специфику взаимодействия человека с каждой из сред, можно увидеть особенности включения человека в социальную реальность. Более того, определяя социальную реальность через систему сред идентификации, можно выйти на проблему познания индивидуального способа включения, прикрепления человека к социальному миру. Но чтобы понять, каким образом, и с помощью какого механизма встраивается, преломляясь, социальная реальность в жизненный опыт личности, необходимо учитывать и внутренние детерминанты, такие как, направленность личности на изменение или сохранение.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. - М.: Наука, 2000.
2. Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
3. Божович Л. И. Проблемы формирования личности: Избр. психол. тр. / Под ред. Д. И. Фельдштейна. - М.; Воронеж: Ин-т практической психологии; МОДЭК, 1995.
4. Выготский Л. С. Психология развития человека. - М.: Смысл: Эксмо, 2004.
5. Леонтьев А. Н. Образ мира / А. Н. Леонтьев. // Мир психологии. - 2003. - N 4. - С. 11-18.
6. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. - М.: Изд-во МГУ, 1981.
7. Тоффлер Элвин. Шок будущего./ Авт. предисл. и науч. ред. П. С. Гуревич; Пер. с англ.: Е. Руднева и др. - М. : АСТ, 2001.
8. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. - М.: Добросвет: Книжный дом "Университет", 1998.
9. F. Héran, «Trouver a qui parler: le sexe et l'âge de nos interlocuteurs», in collectif. Données sociales 1990, insee, 1991;
10. M. Forsé, «Les réseaux de sociabilité: un état des lieux», ./Année sociologique, n°41, 1991.
11. C. Bidart, L'Amitié, un lien social, La Découverte, 1997.

Методологические вопросы исследования счастья в психологии

Гузеева Елена Валерьевна

студентка

Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: dwoeizlarza@yandex.ru

Тема счастья столь же сложна, сколь и бессмертна. Вряд ли среди наиболее известных философов мы найдём много таких, которые тем или иным образом не затрагивали бы её. Что такое счастье, что является его источниками, а что – способно лишь создать некоторую его иллюзию – вот одни из немногих вопросов, на которые столетиями искали ответы. В зависимости от них складывались различные направления (например, гедонизм и эвдемонизм), однако, окончательного мнения так и не было сформировано.

Приблизительно в 60-е – 70-е гг. прошлого века начались активные исследования счастья в рамках психологии. За последующие четыре десятилетия наука прошла приблизительно тот же путь в понимании счастья, что и философия за предыдущие два тысячелетия [3]. Теперь выводы, к которым в своё время приходили мыслители, получали своё эмпирическое подтверждение.

К настоящему времени психологией накоплено уже огромное количество данных – о культурных особенностях понимания счастья, о взаимосвязи его с множеством различных показателей – как объективных (материальный достаток, возраст, образование и т.д.), так и субъективных (осмысленность жизни, ориентация на достижение тех или иных целей, особенности восприятия жизненных событий и т.д.). С другой стороны, при прочтении этих работ часто возникает вопрос: не теряется ли нечто очень важное для понимания счастья при подобном подходе к его рассмотрению?

С одной стороны, огромный массив данных значительно облегчает наше исследование данной темы. С другой – даёт ли он конкретному человеку ответ на вопрос, как стать счастливым? Ведь чаще всего психологические исследования останавливаются на довольно поверхностном уровне (отвечая, например, на вопросы, представители каких профессий или культур более счастливы, сколько времени нужно посвящать досугу и т.д.).

Многие исследования носят социологический характер. Безусловно, их данные очень интересны. Но, с другой стороны, они «схватывают» лишь ту информацию, которую люди и так знают о себе; практически не позволяя приблизиться к пониманию столь сложного феномена, как человеческое счастье.

Таким образом, исследование счастья в психологии поднимает сложные методологические вопросы – какова сущность этого феномена, какими методами можно его исследовать, на какую концепцию при этом можно опираться и т.д.

Согласно Б.С. Братусю, психология долгое время строилась на естественнонаучной основе. В то же время сейчас наступает некий поворот в её развитии, ведь попытка понять психологию человека неизбежно приводит к вопросам о сущности человека, о смысле его существования и т.д. На этом этапе психология не может не обратиться к этическому, философскому, богословскому пониманию данных вопросов [2].

На наш взгляд, если мы ограничиваемся только психологическими методами при исследовании такой сложной, междисциплинарной темы, как счастье, вряд ли мы сможем подойти близко к пониманию этого феномена. В исследовании счастья должны появиться такие термины, как «сущность человека», «соответствие своему предназначению», «следование голосу совести». Безусловно, все эти явления сложно отнести к предмету собственно психологических исследований. Однако описание счастья в терминах «достижение целей», «наличие положительных эмоций» и т.п., на наш взгляд, даёт некое редуцированное понимание этого сложного феномена.

Наличие смысла жизни, личностно значимых целей, несомненно, является одним из важнейших источников счастья. В то же время, можем ли мы говорить о подлинном счастье, не ставя вопрос о содержании этих целей и смыслов?

Конечно, достижение любых личностно значимых целей и наличие любых смыслов могут до определённого времени давать ощущение ценности собственной жизни, некоторую удовлетворённость и положительные эмоции. Однако, на наш взгляд, смыслы, цели и ценности – не предельные категории, они не замыкаются сами в себе. Необходимо принимать во внимание и то, что стоит за этими феноменами; то, с чем можно их соотносить; то, с точки зрения чего можно их оценить.

Ответ на вопрос, что же это такое, чрезвычайно сложен. На наш взгляд, одним из вариантов его решения может служить такое понятие, как «сущность человека». Ещё Э. Фромм писал о том, что есть определённый путь развития, соответствующий человеческой сущности. Если же человек не следует ему, это ведёт к

страданиям, болезни [5]. То есть человек может вести вполне активную жизнь, иметь и достигать множество целей, однако, это совсем не будет прибавлять ему счастья – скорее, наоборот, будут увеличиваться его страдания.

Подобную идею развивает Б.С. Братусь, согласно которому, нормальное развитие человека – это такое, которое способствует его приобщению к родовой сущности. Окончательный ответ на вопрос, в чём же заключается эта сущность, Борис Сергеевич не даёт; однако, предлагает связывать её с отношением к другим людям [1].

Наконец, можно вспомнить В. Франкла, который утверждал, что смысл нельзя создать, его нужно найти; причём найти в каждой ситуации. Для этого человеку нужно руководствоваться своей совестью: «Совесть – это орган смысла» [4, 29]. В этой мысли заключено огромное значение – во-первых, смысл существования выносится за пределы отдельного человека. Во-вторых, подразумеваются нравственные, этические основания человеческой жизни. Хотя сам В. Франкл указывал на то, что не всегда совесть ведёт человека верным путём; однако, как правило, она более или менее ясно показывает человеку, что достойно, а что – нет.

Может ли человек быть подлинно счастливым, если добивается целей, противоречащих его совести? Если его ценности связаны лишь с ним самим, а его жизнь – замыкается на его собственных узких интересах, в жертву которым приносятся интересы других людей?

На наш взгляд, ответ должен быть отрицательным. Однако, насколько нам известно, глубоких исследований, связанных с данной темой, ещё не проводилось. И всё же, если мы берём на себя смелость искать ответ на вопрос, что же делает человека подлинно счастливым, невозможно оставлять без внимания поднятые в нашей небольшой работе методологические вопросы.

Литература

1. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://lib.rin.ru>, свободный.
2. Братусь Б.С. Образ человека в психологии России XX века. М., 2005. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://rl-online.ru>, свободный.
3. Леонтьев Д.А. Переживание счастья как зависимая переменная в психологических исследованиях // Психология психических состояний. Вып. 6. / под ред. А.О. Прохорова. Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. С. 36-58.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.
5. Фромм Э. Человеческая ситуация. – М.: Смысл, 1995. – 69 с.

Манипулирование и эмоции

Евсеева Мария Владимировна

студентка

Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог, Россия

E-mail: mairamagi@rambler.ru; blacksea66@yandex.ru

Каждый человек по своей природе в некоторой степени обладает свойствами манипулятора. Мастерство манипулятора выражается в скрытом внедрении в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент времени. Манипулирование наносит вред личности, разрушая и препятствуя ее личностному развитию. Манипулятивные отношения между людьми значительно преобладают над честными и открытыми отношениями, присущими актуализаторам. Развитие личности заключается в

достижении честных отношений с собой и окружающими. Актуализаторы обладают способностью быть честными и искренними в выражении любых чувств, в том числе радости, любви, страха, обиды и гнева; быть осознающими, т.е. хорошо понимающими себя и других; быть свободными и открытыми, т.е. субъектами своей жизни, реализующими свои потенциалы, постоянно совершающими выбор; жить жизнью, наполненной непрерывной деятельностью, преодолением трудностей; быть доверяющими, т.е. верящими в других и себя, стремящимися справиться с трудностями здесь и теперь; поддерживать близкие, тесные отношения с другими людьми. Актуализаторам противопоставляются манипуляторы, стиль жизни которых базируется на лжи (отказываются от эмоциональных переживаний и деятельности), неосознанности (видят и слышат лишь то, что хотят слышать), контроле (эксплуатируют других и позволяют эксплуатировать себя) и цинизме (не доверяют себе и другим), дистантных отношениях с окружающими. В настоящее время можно сказать, что манипуляторы в значительной мере преобладают над актуализаторами.

О человеке, чрезмерно стремящемся к манипулированию, можно говорить как о неблагополучной личности. Стремление управлять другими людьми, отношение к ним как средствам к достижению собственных целей, приводит к тому, что сам манипулятор перестает осознавать свою фальшивость и нежизненность. Частным случаем манипулирования другими людьми являются психосоматические больные. Психосоматические заболевания используются ими как средство для извлечения психологических выгод, как способ контроля окружающих. Соматические симптомы, применяемые для манипулирования другими людьми, позволяют получать освобождение от повседневных обязанностей, денежную компенсацию, симпатию, заботу и жалость. Соматизация возникает при отсутствии адекватной адаптации у людей с ограниченными возможностями самовыражения, ограниченным набором стратегий поведения в значимых ситуациях.

Лица, имеющие психосоматические заболевания, испытывают трудности в проявлении своих чувств, т.е. страдают алекситимией. Соматические проявления порождаются вытесненными конфликтами, которые отрицаются и игнорируются. Игнорирование в первую очередь касается эмоций. Психосоматическая личность эмоционально безграмотна, неспособна вербализовать чувства и понимает свои эмоциональные проблемы как соматические, что приводит к подавлению в себе враждебности и агрессивности, т.е. на протяжении значительного времени они остаются терпимыми к неблагоприятным взаимоотношениям, приводящим к истощению и разрушению личности, что и порождает психосоматические симптомы. Субъективное восприятие болезни личностью заключается в избавлении от переживаний, от необходимости самостоятельно принимать решения в проблемных ситуациях, от трудностей и неуверенности. Положительная сторона болезни может также выражаться в усилении чувства собственного достоинства и превосходства над другими, престижа. Чем больше страданий человек переносит от своих болезней, тем больше он получает сочувствия и внимания со стороны окружающих, материальных выгод, свободного времени. Манипулятивная личность использует эмоции как средства воздействия на других людей для достижения своих целей.

В норме эмоции регулируют деятельность человека, делая ее адаптивной. Эмоции направляют организм человека на выполнение действий и достижение поставленных целей, и т.о. на удовлетворение потребностей. Эмоции заблаговременно предупреждают индивида о полезном или вредном воздействии, неопасном и опасном, о значимом и незначимом, что позволяет приспособиться ему к окружающим условиям. Эмоции играют также значимую роль на всех этапах мотивационного процесса при прогнозировании возможностей удовлетворения потребностей, при сигнализации о возникшей потребности, при выборе цели, оценивая значимость потребности. Эмоции также играют немаловажную коммуникативную роль, позволяющую легко взаимодействовать с другими людьми.

Неразвитость эмоциональной сферы у манипуляторов побудила нас к изучению роли тренинга эмоциональной сферы в преодолении склонности к манипулированию. Цель исследования: разработка и проведение тренинга, способствующего преодолению манипулирования и развитию открытых отношений. Гипотеза: тренинг, развивающий эмоциональную сферу человека, снижает склонность к манипулированию.

Цель тренинга: научиться осознавать свои эмоции и конструктивно управлять ими. Задачи тренинга: а) осознать и принять свои эмоции и чувства; б) предупредить развитие психосоматических заболеваний; в) стать открытым переживаниям, понять и принять себя; г) преодолеть стрессовые ситуации; д) открыто выражать и отражать позитивные и негативные чувства; е) принять и понять эмоции и чувства других людей.

В ходе тренинга участники обучаются понимать свои и чужие эмоциональные переживания; учатся снижать свое эмоциональное напряжение и преодолевать реакции дистресса; учатся управлять эмоциями гнева и агрессии, тревоги и страха, печали и депрессии, вины, стыда и обиды и конструктивно разрешать их; развивают умения получать удовольствие и любить. Тренинг направлен также на переоценку обыденных представлений об отрицательных эмоциях и на их позитивную переинтерпретацию с помощью когнитивных техник.

Тренинг включает такие темы, как «Осознание эмоций», «Выражение и регуляция эмоций», «Изменение эмоций», «Гнев и агрессия», «Тревога и страх», «Печаль, депрессия, страдание», «Вина, стыд, обида», «Удовольствие и наслаждение», «Любовь». Для тренинговой работы названные эмоции и чувства были выбраны нами по причине их наиболее частой встречаемости и значимости в жизни человека. Тренинг рассчитан примерно на 30 часов. Предполагается участие в тренинге в первую очередь лиц, склонных к манипулированию. В тренинге используются техники из таких психотерапевтических направлений, как гештальттерапия, когнитивная психотерапия, в частности рационально-эмотивная, психодрама и др. Эмоциональное напряжение снижается с помощью релаксации, медитации-визуализации, вербализации эмоциональных переживаний, техник телесно-ориентированной психотерапии. Тренинг содержит обязательное знакомство участников с теоретическими вопросами психологии эмоций, такими как понятие эмоций, их виды, их роль и функции в жизни человека, их связь с потребностями и их удовлетворением.

Измерять эффективность разработанного нами тренинга планируется с помощью шкалы ЛИО Э. Шострома, манипулятивной шкалы М. Банта, а также посредством специально разработанного опросника, состоящего из пословиц и афоризмов, отражающих манипулятивные и открытые способы влияния одного человека на другого.

Таким образом, понимание своих и чужих эмоций, а также способность открыто говорить о них и конструктивно разрешать, по нашему мнению, содействует преодолению манипулирования другими людьми и установлению честных и равных межличностных отношений.

Жизненный путь с позиции рефлексивно-регулятивного подхода

Ешукова Оксана Михайловна

молодой ученый

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия.

E-mail: eshukova@yandex.ru

Современная жизнь с ее многочисленными изменениями и трудностями требует от человека осмысления, понимания того, что происходит, каким образом необходимо действовать, в тех или иных ситуациях, прорабатывать, организовывать свой жизненный путь, для успешного взаимодействия в системе отношения «Человек-Мир». Проблеме жизненного пути и жизни уделяли внимание Ш. Бюлер, А. Адлер, В. Франкл, Ж. Пиаже,

С.Л.Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, Н.А. Логина, Л.И. Анциферова, И.С. Кон, Е.И. Головаха, А.А. Кроник и др.

Жизненный путь — это и становление человека по этапам его созревания, и способ бытия человека, без которого нет его развития, восхождения. Жизненный путь обозначает историю человека как субъекта жизнедеятельности, которая разворачивается в конкретно-историческом времени и в известной мере им определяется.

В зарубежной психологии жизненный путь рассматривали как индивидуальную или личностную жизнь в ее динамике. Единицей анализа «было событие», в котором выделили две стороны внешнюю и внутреннюю. Введение событий позволило разделить жизненный путь на фазы и описать его (Ш.Бюлер). Особое внимание уделяли, вопросу движущих сил жизни. В качестве первичной силы жизни был назван поиск ее смысла, отмечали индивидуальность и неповторимость каждого человека и его жизненного пути (В.Франкл). В соответствие жизненному пути человека рассматривали индивидуальный жизненный стиль, интегрирующий значимые цели и способы их достижения и определяемый как единство личностных характеристик, установок в повседневной деятельности (А. Адлер). Таким образом, жизненный путь рассматривался через события, смысл, цели и способы, акцент делали на внешней стороне жизни, меньше уделяли внимания внутренней, при этом найти связь между внутренней и внешней стороной жизненного пути не удалось.

В отечественной психологии к пониманию жизни и жизненного пути впервые обратился С.Л. Рубинштейн. Жизненный путь личности он рассматривал, как целостное непрерывное явление, а жизнь - как закономерный процесс, наполненный, насыщенный событиями и фактами. Высшим личностным образованием жизненного пути является активность, проявляющаяся в формировании основных составляющих жизни и обеспечивающих реализацию собственных потребностей в конкретных жизненных обстоятельствах. По Рубинштейну активное - субъективное отношение к жизненному пути связано с появлением рефлексии жизни. Б.Г. Ананьев под жизненным путем личности понимал историю формирования развития личности в определенном обществе, единицей анализа рассматривал возраст, именно он соединяет социальные и биологические периоды жизни. В трудах К.А. Абульхановой-Славской изучение жизненного пути рассматривается, через призму понятий: жизненная позиция, жизненная линия, жизненные стратегии, смысл жизни. Данный автор указывает важность не только возрастной периодизации, но и личностной. Жизненная позиция- это совокупность ее жизненных отношений, способ реализации, отвечающий потребностям, ценностям личности. Жизненная линия представляет реализацию жизненной позиции во времени и обстоятельствах жизни, отражает каким образом, личность воплощает свои жизненные принципы и отношения. В основе жизненной позиции лежит смысл - ценностный способ обобщения, целеполагания в жизни. Рассматривая, жизненный путь во времени Л.И.Анциферова отмечает, что это индивидуализированное преломление личностью движения социально-исторической деятельности. Таким образом, при изучении жизненного пути в отечественной психологии внимание уделялось не только внешнему описанию жизни, через возраст, события, время, но и через внутреннюю активность, рефлексию. Это позволило прийти к пониманию жизненного пути как закономерности, которая определяется составляющими личности, но целостного, структурно-системного представления жизненного пути нет. Проблема соотношения внутренней и внешней жизни остается открытой. В связи с этим, проблему жизненного пути на наш взгляд, наиболее продуктивно изучать с позиции рефлексивно-регулятивного подхода, который позволяет целостно изучить жизненный путь, связать внешнюю и внутреннюю сторону жизни, (И.М.Сеченов, С.Л. Рубинштейн, А.С. Шаров).

Регуляция - это направленная система выборов, регулятивных актов, посредством, которых осуществляется взаимодействия человека с миром, с другими людьми, природой, техникой. В регуляции воплощается весь потенциал человека, все то, что он накопил в своем развитии, регуляция это форма проявления человеком себя, она служит

основой развития и саморазвития человека. В регуляции находят свое воплощение компоненты психологической структуры человека: ценностно-смысловое содержание, активность и рефлексия. Они являются границами, наполняют ее содержанием и выполняют определенные функции, без них невозможна регуляция.

Ценностно-смысловое содержание ориентирует человека в мире, указывает на значимое для него и дает силы, энергию для достижения значимого. Значимость выступает стержнем человека. Различение значимости приобретает формы внутреннего напряжения, направленной напряженности, ценностных и смысловых переживаний. В совокупности они образуют нечто целостное, освещая, дорогу в жизни и направляют человека к заветным целям. Это внутренний модус человека, который в совокупности составляет внутренний мир человека и выступает единицей анализа психологической жизни. Ценностно-смысловое содержание воплощается в жизни через активность, она включает в себя внешнюю (это все виды и формы деятельности и жизнедеятельности) и внутреннюю активность, которая находит свое выражение в функционировании психических процессов, познавательной сферы, задавая границы жизненному пути.

Соединение внешней и внутренней стороны наблюдается в активности, как управлении, регулировании собой, когда человек делает выбор действия, поступка.

Рефлексия является основой развития и изменения человека, она соотносит что-то с чем-то, позволяет планировать и прогнозировать события, соотносить прошлое и будущее. Выражается в том, что человек может сам строить свою судьбу и определять поведение в жизненных ситуациях в соответствии с собственным обобщенным отношением к жизни и жизненным планам. В свою очередь жизненные планы формируются во внутреннем мире человека, а реализуются во внешнем. Следовательно, мотивы, смыслы и ценности о-граничивают (по направлению, мере напряжения, предметно-содержательно и т.д.) активность человека в жизни, а значит, регулируют ее. Регуляция идет изнутри, тем самым соприкасается и учитывает внешние реалии, но эта регуляция идет на разных уровнях. Операционный уровень связан с реализацией насущных потребностей и мотивов, проявляющихся в конкретных жизненных ситуациях. Тактический уровень связан с целями, смыслами, выбирая их человек, оформляет свой жизненный путь. Стратегический уровень проявляется в ценностях, их задает культура, в которой развивается человек. В процессе усвоения культуры, формируются ценностные ориентации человека как механизм регуляции жизненного пути. Способность регулировать, организовывать свой жизненный путь как целое, подчиненное его целям, ценностям, есть высший уровень и подлинное оптимальное качество жизни человека.

Таким образом: 1) авторы пытаются рассмотреть и изучить жизненный путь, как ограничения, связывают его с определенной зависимостью; 2) мы считаем, что жизненный путь необходимо рассматривать с рефлексивно-регулятивного подхода, т. к. активность является связующим звеном внутренней и внешней сторон жизни, выражается в регуляции; 3) регуляция обеспечивает организацию жизненного пути на операционном, тактическом, стратегическом уровне.

К вопросу об ограничениях теории игр Эрика Берна

Закирова Лилия Мунировна, Чумаченко Дмитрий Валерьевич

студенты

Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, Казань, Россия

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: ZakirovaL@gmail.com, Dmitry.Chumachenko@gmail.com

В книге известного американского психотерапевта Эрика Берна «Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений», автора теории трансактного анализа, анализируются взаимоотношения между людьми. Процедуры и ритуалы,

развлечения и игры - три кита, выделенные ученым как выражение основы-черпахи - человеческих отношений.

Систематизация Э. Берном сути данного явления заключается, во-первых, в выявлении теоретических предпосылок теории игр - структурный анализ как схематическое наделение индивидуума ограниченным количеством психологических реальностей, или состояний Я: Родителя, Взрослого, и Ребенка; транзакционный анализ: общение сводится к процессу своевременного обмена между транзакционными стимулом и реакцией, во-вторых, вводится само понятие игры – определение, функции, классификация, в-третьих, выстроена схема анализа игры в терминах выбранного подхода (тезис, антитезис, цель, роли, ходы, вознаграждение) и, в-четвертых, проанализировано некоторое количество игр.

Степень свободы внутри выбранных игр классификации велика, так как учитывает лишь основные черты их проявления. Отсутствие единого векторного начала по построению обоюдно востребованного общения требует критической оценки некоторых из положений теории игр изнутри подхода. Приведем некоторые из них:

1. Первое из замечаний касается понятия «простого развлечения» или времяпровождения. Простое развлечение (времяпровождение) - «серия простых, полуритуальных дополнительных транзакций, сгруппированных вокруг одной темы, целью которой является структурирование определенного интервала времени» (Берн, 1988, с. 31) Развлечение имеет также функцию бессознательного отбора партнеров для будущих игр: «В процессе времяпровождения Ребенок в каждом участнике внимательно наблюдает за партнерами и оценивает их возможности...выберет себе нескольких человек, с которыми ему захочется познакомиться поближе, независимо от того, насколько интересными или привлекательными они были в течение вечера»(Берн, 1988, с. 34). Структурирование времени на уровне развлечения не предполагает получения новой информации для участников транзакции, тогда на основе чего Ребенок может узнавать, кто из присутствующих лучше ему подходит для игр?

2. Второе замечание касается центрального понятия Э.Берна – понятия «игра». Игра - это «серия следующих друг за другом дополнительных транзакций с четко определенным и предсказуемым исходом. ...Игры отличаются от процедур, ритуалов и развлечений двумя важнейшими характеристиками: 1) скрытыми мотивами; 2) наличием выигрыша». Воспитание детей, по Берну, «В большинстве случаев сводится к тому, в какие игры они должны играть.» (Берн, 1988, с. 37). Непроясненным остается вопрос об онтогенезе игр: как появляются новые игры, как появились те игры, в которые сейчас играют люди. «Относящиеся к играм вопросы обсуждаются в течение тысяч лет, но в общем и несистематизированном виде» - признается Берн.

3. Третье замечание связано с понятием истинной близости как «совершенной формы человеческих взаимоотношений» (Берн, 1988, с. 50). Э.Берн говорит о том, что в современном обществе близость является психологически неприемлемой для людей. Он называет игры и развлечения (времяпровождения) суррогатом близости: подобное ритуальное или почти ритуальное общение является следствием действия социальной программы – «соблюдением того, что в данном обществе принято называть «хорошими манерами». Дальнейшее развитие отношений предполагает переход от совместных развлечений (времяпровождений) к играм и к близости, но как достигается близость из текста не ясно. В связи со всем вышесказанным возникает вопрос о возможности и правомерности подобных переходов.

4.Основной проблемой в связи со всем вышесказанным можно считать возможность объяснения любого поведения с точки зрения игр. Складывается ощущение, что все может быть игрой, что представляется нам неправомерным расширением данного понятия. На такую особенность всякой научной теории указывал еще Л.С.Выготский.(Выготский, 1982, с. 300)

Выходом из тупика, возможно, является обращение к трудам представителей гуманистической психологии – именно они являются сторонниками подобных независимых от «программы игр» отношений. В частности, иллюстрацией к достижению близости, которая возможна после «игры» «Фригидная женщина», является труд психолога-гуманиста Эриха Фромма «Искусство любить» (Фромм, 1956): «Для большинства людей проблема любви состоит в том, чтобы быть любимым, а не в том, чтобы самому любить, точнее - быть способным любить.... Хорошие манеры, умение вести интересную беседу, готовность прийти на помощь, скромность, непритязательность - это тоже способы, которыми и мужчины и женщины пытаются привлечь внимание другой половины, «влюбить» в себя» (Фромм, 2006, с. 71). По мнению Фромма, начальный этап отношений, как правило, заканчивается на уровне «социальной программы», «хороших манер», игр – на этом трансформация на пути к близости заканчивается. «Но наряду с теорией и практикой есть еще ... составляющая, без которой не достигнуть высот в любом деле, - это одержимость им, сосредоточенность на нем, ..., полная самоотдача ему себя, своих сил и мыслей. Может быть, именно здесь надо искать ответ на вопрос, почему люди так мало преуспели в постижении искусства любить вопреки их очевидным в нем неудачам» (Фромм, 2006, с. 76).

Таким образом, теория игр Э.Берна исключает возможность точного ответа на вопрос о сущности человеческих взаимоотношений. Интеграция в поиск решения ответов на поставленные вопросы видится нам возможной в ключе гуманистического подхода.

Литература

1. Л.С. Выготский. Собрание сочинений: Т. 1. М.: Педагогика, 1982.
2. Эрик Берн. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. М.: Прогресс, 1988.
3. Эрих Фромм. Искусство любить. Спб.: Азбука-классика, 2006.

Жестокость как личностно-психологический феномен⁵

Захаров Станислав Вадимович

аспирант

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

E-mail: zsv-83@mail.ru

Целью данной работы является изучение особенностей агрессивного поведения, а именно, выявление структуры понятия агрессия, определение и выделение жестокости как личностно-психологического феномена. Актуальность данной работы обусловлена отсутствием строго определенных, общепринятых взглядов на этот вопрос, различной его трактовкой психологическими школами, незавершенность теоретической части. Новизна данного исследования состоит в попытке дать определение понятию жестокость.

На современном этапе развития психологии агрессии возникло огромное число теорий, появилось разнообразие экспериментальных подходов. Выводы и обобщения авторов представляют собой значимый вклад в сокровищницу психологической науки. Агрессия – одна из ключевых тем, которая живо интересует специалистов не только в различных областях психологии, но и социологов, работников правоохранительных органов, педагогов, криминалистов и др.

⁵ Автор выражает признательность профессору, д.п.н. Ясько Б.А. за помощь в подготовке тезисов.

Для того, чтобы обосновать необходимость выделения жестокости в структуре агрессии, необходимо рассмотреть существующие взгляды на саму агрессию.

Берковиц (Berkowitz, 1981) заметил, что одна из главных проблем в определении агрессии в том, что в английском языке этот термин подразумевает большое разнообразие действий. Но, несмотря на это, существует целый ряд определений, который мы постараемся здесь представить.

Бассом было предложено следующее определение (Buss, 1961), агрессия - это любое поведение, содержащее угрозу или наносящее ущерб другим. Опираясь на это определение, можно сказать, что практически любая деятельность человека есть агрессия, ведь даже движения конечностей во время ходьбы, могут быть интерпретированы, излишне эмоциональным наблюдателем, как действия содержащие угрозу.

Однако Зильманн (Zillmann, 1979), под агрессией понимает любую попытку нанести другим телесные или физические повреждения. Исходя из этого утверждения, нельзя назвать агрессией, кроме всего прочего, и словесное оскорбление.

В настоящее время большинством принимается следующее определение:

Агрессия - это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения. Данное определение предполагает, что агрессию следует рассматривать как модель поведения, а не как эмоцию, мотив или установку.

Однако, на наш взгляд, ни одно из вышеперечисленных определений агрессии полностью не удовлетворяют всей глубине данного феномена. С учетом этого, представляется важным выделить в структуре агрессии жестокость. Это поможет подвести под понятие агрессии некоторые проявления человеческой активности, которые имели черты агрессии, но при этом незаслуженно оставались за рамками многих определений.

На наш взгляд, понятие «жестокость» более узкое и входит в понятие агрессия. В литературе фигурирует следующее определение: жестокость - это свойство личности, заключающееся в безразличии к страданиям людей или же в стремлении к их причинению. Это определение может быть подвергнуто той же критике, что и большинство определений агрессии, т.к., если исходить из этого определения, то, например, безразличие к страданиям животных, или же стремление к их причинению, не будет являться жестокостью. Также, жестокостью не будет являться причинение страданий, как людям, так и животным, ведь в этом определении упомянуто только стремление к причинению страданий.

Таким образом, считаем важным предложить следующее определение: жестокость - это поведение, направленное на причинение вреда другому живому существу, входящее в конфликт с общепринятыми в данное время и в данном месте моральными, этическими и законодательными нормами. Конечно, и здесь возникают вопросы, например, о том, что такое общепринятые, моральные, этические и законодательные нормы. На эти вопросы мы надеемся ответить позже, в ходе дальнейших исследований.

Нами был проведен анализ различных литературных источников по данной теме, для обоснования выделения жестокости в структуре агрессии, как самостоятельного личностно-психологического феномена. Теоретическая значимость заключается в сопоставлении различных взглядов на агрессию и обусловлена отсутствием общепринятого мнения по вопросу о жестокости, а также избытком трактовок понятия агрессия.

Проведенный анализ показал, что на сегодняшний день существует огромное количество определений понятия агрессия. При этом ни одно полностью не удовлетворяет глубине этого феномена. Выделение жестокости в структуре агрессии позволяет по-

другому взглянуть на саму агрессию. Теперь возможно говорить не только о негативных последствиях агрессии, но и о ее позитивных проявлениях. Для примера смоделируем ситуацию: человек, при осуществлении какой-либо деятельности, проявил вербальную агрессию, в отношении мешающего ему на этом пути объекта. Во-первых, этот человек выделил какую-либо эмоцию (что, иногда, может рассматриваться, как позитивный эффект) и достиг поставленных результатов. Во-вторых, тот объект, скажем человек, испытав, стыд, или радость, также изменил свое душевное состояние.

Таким образом, даже в самом начале мы видим определенные результаты, которые заключаются в формировании нового понимания в отношении такого феномена как агрессия, а также в выработке подходов к жестокости, как к личностно-психологическому феномену.

Литература

1. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. - СПб: Питер, 2001. - 352 с: ил. - (Серия "Мастера психологии").
2. Lorenz K. On aggression. — New York: Bantam, 1966.
3. Berkowitz L. The experience of anger as a parallel process in the display of impulsive, «angry» aggression // Aggression: Theoretical and empirical reviews / Ed. by R. G. Geen, E. I. Donnerstein. — Orlando: Academic Press, 1983. — Vol. 1. — P. 103–133.
4. Ситковская О. Д. Мотивация агрессивного поведения несовершеннолетних преступников // Насилие, агрессия, жестокость. Криминально-психологическое исследование. — М., 1990. — С. 88–98.
5. Курбатова Т. Н. Структурный анализ агрессии // Б. Г. Ананьев и ленинградская школа в развитии современной психологии. — СПб, 1995. — С. 27–28.

Имидж и стереотип: соотнесение понятий

Калинина Екатерина Анатольевна

аспирантка

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-mail: katya_k_84@mail.ru

В последнее время проблема формирования имиджа в современной науке занимает одно из центральных мест. Однако ученые не пришли к общепринятой точке зрения на данный феномен, а также на его соотнесение с другими понятиями, в частности – с понятием стереотипа.

Г.М. Андреева определяет стереотип как «некоторый устойчивый образ какого-либо явления или человека, которым пользуются как известным «сокращением» при взаимодействии с этим явлением» [1, с. 128].

Широко распространено понимание стереотипа как социальной установки, в структуре которой содержатся три основных компонента: эмоциональный (или оценочный), когнитивный (рассудочный) и собственно поведенческий (аспект поведенческой готовности).

Анализ социально-психологической литературы позволяет выделить три основных подхода к соотнесению понятий «имидж» и «стереотип»:

1. Понятие «имидж» синонимично понятию «стереотип». По мнению Н.Ж. Фейзулиной, имидж – это «образ, который может иметь характер стереотипа. Под стереотипом понимается относительно устойчивый и упрощенный образ социального объекта, складывающийся в условиях дефицита информации как результат обобщения личного опыта индивида и нередко предвзятых представлений, принятых в обществе»

[7, с. 49]. «Под имиджем понимается некий синтетический образ, который складывается в сознании людей в отношении конкретного лица, организации или иного социального объекта. Имидж... выступает в качестве социальной установки и ценностного стереотипа», - указывают Л.А. Соколова-Сербская и В.И. Сороковикова [6, с. 44]

2. Понятие «имидж» включает в себя понятие «стереотип», но не ограничивается им. «Имидж - специально сконструированный образ (квазиобъект), формирующий определенное представление о некотором объекте (предмете имиджирования), изначально предназначенный для некоторого управления адресатом (реципиентом). Он всегда имеет как некую «телесную» основу, несущую знак (систему знаков) с той или иной смысловой нагрузкой, которая «опирается» с одной стороны на качества и состояния человека, свойства и процессы его психики, с другой – на социокультурные аттитюды, стереотипы, архетипы, на все бытующие в культуре предписания, нормы, ценности» [2, с. 56]. Таким образом, по мнению автора, в имидже находят свое отражение стереотипы людей, их установки по отношению к тем или иным предметам, объектам, явлениям.

3. Имидж – нестереотипный образ. Имидж - это «тот образ конкретного объекта (человека, предмета, явления), который был соотнесен со стереотипным образом, и на основании этого соотнесения в психике воспринимающего образ конкретного объекта получил определенную оценку, возникло определенное к нему отношение, возникло мнение о прообразе данного объекта» [3, с. 153]. Таким образом, по мнению А.Ю. Панасюка [3], имидж – это «не стереотипный образ, имидж – это результат соотнесения возникшего при восприятии объекта образа со стереотипным образом» [3, с. 153].

Следует отметить, что понятие «образ» является первостепенным для осмысления понятий «имидж» и «стереотип». Однако Е.Б. Перельгина [4] указывает, что понятия «образ» и «имидж» не синонимичны. Скорее, имидж является разновидностью образа. Аналогичное мнение высказывает Е.А. Петрова, указывая, что «категория «имидж» отлична от традиционной для психологии трактовки «образа» и «мнения» как таковых. Являясь феноменом индивидуального, группового или массового сознания, имидж функционирует как образ-представление, в котором в сложном и определенном взаимодействии соединяются внешние и внутренние характеристики объекта» [5, с. 6].

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология. - М.: Аспект Пресс, 2001.
2. Гильманов С. А. Структура имиджа и способы его функционирования. // Имиджелогия-2006: актуальные проблемы социального имиджмейкинга: Материалы Четвертого Международного симпозиума по имиджелогии. / Под ред. Е. А. Петровой. – М.: РИЦ АИМ, 2006. – С. 55-59
3. Панасюк А.Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники. – М.: Издательство «Омега-Л», 2008.
4. Перельгина Е. Б. Психология имиджа. – М.: Аспект Пресс, 2002.
5. Петрова Е. А. Имидж как социально-психологический феномен: Текст доклада на секции психологии Центрального дома ученых, 14 февраля 2006 г. – м.: АИМ, 2006.
6. Соколова-Сербская Л.А., Сороковикова В.И. Культурологическая составляющая имиджа. // Имиджелогия-2007: имидж как феномен современной цивилизации: Материалы Пятого Международного симпозиума по имиджелогии. / Под ред. Е. А. Петровой. – М.: РИЦ АИМ, 2007. – С. 42-45
7. Фейзулина Н.Ж. Понятие имиджа в современной российской науке. // Имиджелогия-2007: имидж как феномен современной цивилизации: Материалы Пятого Международного симпозиума по имиджелогии. / Под ред. Е. А. Петровой. – М.: РИЦ АИМ, 2007. – С. 47-50

Копинг-стратегии и временная перспектива личности

Комяк Марина Владимировна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: onefold@mail.ru

Жизнь человека в современном мире характеризуется высоким темпом, значительной сложностью и зачастую непредсказуемостью. Он просто не может избежать различных сложных жизненных ситуаций, они стали неотъемлемым элементом его ежедневной деятельности. Однако требования действительности таковы, что человеку нужно как можно быстрее разрешать свои проблемы и выходить из трудных ситуаций с минимальными потерями. Психологический комфорт человека способствует успешности его функционирования во всех областях жизни. Именно поэтому важно выявить те параметры, которые связаны с более или менее эффективным совладанием с трудными жизненными ситуациями. Мы выбрали временную перспективу, так как она является одной из глобальных характеристик человека и оказывает влияние на очень многие жизненные процессы. Вместе с тем, временная перспектива личности может изменяться в зависимости от тех или иных внешних и внутренних условий жизни человека.

Разработку проблемы «временной перспективы» связывают с именем К. Левина, который определил ее как включение будущего и прошлого в план данного момента (т.е. настоящего) (Москвин, Попович, 1998). Внешние обстоятельства, ситуация в обществе и в жизни конкретного человека могут повлиять на содержание, протяженность и другие параметры его временной перспективы. Тем не менее, она оказывается тесно связанной с поведением человека в сложных жизненных ситуациях, помогая лучше с ними справиться. Как показывают исследования, активно противостоять негативному воздействию окружающей среды помогает наличие устойчивой, структурированной временной перспективы. Эта ее функция была впервые выделена еще психоаналитиками, которые отмечали, что активное планирование будущего является одним из защитных механизмов личности (Арестова, 2000). Помимо обеспечения защиты от негативных влияний травматических событий, ориентированность на будущее, прошлое или настоящее может в некоторой степени способствовать выбору той или иной копинг-стратегии в конкретной ситуации.

Изучение вопросов, связанных с совладанием с трудностями в психологии берет начало с работ З. Фрейда в рамках психоаналитического подхода. Термин «копинг» является калькой с английского слова «coping» (to cope – преодолевать). В отечественной психологии его переводят как совладающее, адаптивное поведение или психологическое преодоление (Нартова-Бочавер, 1997). Под копинг-стратегиями понимают осознанные стратегии действий, направленные на устранение угрозы, помехи, лучше адаптирующие человека к требованиям ситуации и помогающие преобразовать ее в соответствие со своими намерениями, либо выдержать те обстоятельства, изменить которые человек не может.

Выбор той или иной стратегии совладания может определяться внешними факторами, более того, один и тот же человек в разное время может применять разные стратегии. Тем не менее, исследователи отмечают наличие наиболее часто используемых и предпочитаемых способов поведения у каждого, которые при необходимости и достаточном уровне активности индивида можно изменить (Крюкова, 2004). Эффективные копинг-стратегии позволяют справиться с ситуацией с меньшими потерями и/или в более короткие сроки.

Наше исследование направлено на изучение вопроса о взаимосвязи временной перспективы личности и выбора тех или иных стратегий совладающего поведения. В качестве трудной жизненной ситуации нами была выбрана потеря работы, так как, с одной стороны, безработица является одной из актуальных проблем современного общества, а с другой, она нередко влечет за собой негативные последствия для конкретного человека, и вопрос успешного совладания стоит в такой ситуации весьма остро. А так как временная перспектива – это весьма широкое понятие, в нашем исследовании акцент был сделан на временных ориентациях, которые представляют собой относительное преобладание прошлого, настоящего или будущего в мыслях человека, отношение человека к психологическим концепциям своего прошлого, настоящего и будущего, и наиболее тесно, на наш взгляд, связаны с изучаемым вопросом.

Целью исследования была проверка гипотезы о взаимосвязи временной перспективы личности и копинг-стратегий. В нем приняли участие 50 человек, работающих и безработных мужчин и женщин. Для проведения исследования были использованы 2 методики – Опросник Зимбардо по временной перспективе (Zimbardo Time Perspective Inventory / ZTPI) и Опросник способов совладания (Ways of Coping Questionnaire / WCQ) Р. Лазаруса и С. Фолкман.

На основе данных, полученных с помощью опросника Зимбардо по временной перспективе, испытуемые были разбиты на три подгруппы: ориентированных на прошлое (17 человек), ориентированных на настоящее (6 человек) и ориентированных на будущее (27 человек). К сожалению, мы не можем анализировать данные, полученные для подгруппы ориентированных на настоящее из-за ее маленького размера. Поэтому мы сравнивали лишь стратегии, используемые подгруппами ориентированных на прошлое и на будущее. Маленький объем выборки не позволяет выявить значимость различий в использовании той или иной стратегии совладания разными группами испытуемых, поэтому в данном случае мы можем говорить лишь о наличии определенных тенденций.

Для выявления преимущественно используемых копинг-стратегий мы воспользовались тестовыми нормами Опросника способов совладания для российской выборки (Крюкова, Куфтяк, 2005). В результате, по каждой копинг-стратегии мы вычислили процент испытуемых, которые получили высокие значения (то есть предпочитают использовать данную стратегию) и низкие значения (не используют эту стратегию). На основе сравнения этих двух показателей можно делать вывод о наличии определенных тенденций к использованию либо не использованию каждой из стратегий.

В итоге, по результатам нашего исследования были сделаны следующие выводы о тенденциях, характеризующих особенности взаимосвязи временной перспективы личности и стратегий совладания со сложными жизненными ситуациями:

Для людей с ориентацией на будущее характерны такие копинг-стратегии как самоконтроль, планирование решения проблемы и дистанцирование. Такое поведение можно описать как попытки отстраниться от проблемы и рационально обдумать способы ее решения, при этом сохраняя над собой контроль.

В случае ориентации на прошлое существует вероятность позитивной переоценки ситуации, принятия ответственности, избегания и, временами, планирования решения проблемы. То есть человек может пытаться найти положительные моменты в происходящем, либо направить усилия на то, чтобы не обращать внимания на проблему, «уйти» от нее. В другом случае может присутствовать признание собственной роли или даже вины в ситуации, за которым последуют попытки найти решение, выход.

К копинг-стратегии, связанной с поиском социальной поддержки, прибегают как люди, ориентированные на прошлое, так и люди, ориентированные на будущее. Это может свидетельствовать о ее универсальности, так как контакты со значимыми людьми

могут быть как элементом прошлого, к которому человек возвращается в сложные минуты, так и частью будущего.

Реже всего обеими группами используется конфронтативный копинг. По какой-то причине люди не готовы рисковать, либо не хотят проявлять агрессию и враждебность.

Полученные данные хотя и не позволяют нам делать широких обобщений, все же свидетельствуют в пользу наличия связи копинг-стратегий и временной перспективы личности. Поэтому актуальным становится вопрос о характере этой связи. И дальнейшие исследования будут направлены на выявление причинно-следственных зависимостей между этими параметрами.

Литература

1. Абульханова – Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Изд-во «Мысль», 1991.
2. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал, 1994. Т. 15. № 1.
4. Арестова О.Н. Операциональные аспекты временной перспективы личности // Вопросы психологии, 2000. №4.
5. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев, 1984.
6. Головаха Е.И., Кроник А.А. Понятие психологического времени // Категории материалистической диалектики в психологии. Под ред. Л. И. Анцыферовой. М.: «Наука», 1988.
7. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения. Кострома, 2001.
8. Крюкова Т.Л., Куфтык Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Психологическая диагностика, 2005. № 3.
9. Москвин В.А., Попович В.В. Философско-психологические аспекты исследования категории времени // Credo, теоретический философский журнал, 1998. № 6 (12).
10. Нартова-Бочавер С.К. "Coping behaviour" в системе понятий психологии личности. Психологический журнал, 1997. Т. 18. №5.
11. Zimbardo F., Boniwell I. Balancing one' time perspective of optimal functioning // Positive psychology in practice. Hoboken, NJ: Wiley, 2004.
12. Zimbardo Ph. G., Boyd J. N. Putting Time in Perspective: A Valid, Reliable Individual-Differences Metric. // Journal of Personality and Social Psychology, 1999. Vol. 77. № 6.

Юмор как фактор трансформации агрессии у студентов

Кравченко Евгения Михайловна

студентка

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: kravchenko_jane@mail.ru

В рейтинги самых популярных передач на российском телевидении в последние годы неизменно входят передачи юмористического содержания. С точки зрения социальной психологии интересным представляется рассмотрение причин данного факта. Чем объясняется стремление российского зрителя посмеяться над самим собой, своим государством, согражданами?

Нами было проведено исследование, которое отчасти позволяет ответить на данный вопрос.

В исследовании приняло участие 28 человек, из них 7 юношей и 21 девушка, студенты РГГУ. Половина респондентов состоит в студенческой команде КВН, другая половина не только не участвует в КВН, но даже не смотрит подобные телепередачи по телевизору.

Мы предположили, что, согласно гипотезе несовместимых реакций [1, С. 317], студенты-участники команды КВН будут иметь отличия по преобладающей форме агрессии от студентов, которые не участвуют в КВН: у первых будет доминировать косвенная агрессия, выражающаяся в злобных сплетнях, шутках, насмешках и пр. Это и приводит их в команду КВН. Также предполагались отличия по формам психологической защиты – у игроков КВН доминирующей станет отрицание. Отрицание обуславливает то, что фрустрирующие, проблемные ситуации не воспринимаются личностью, несмотря на их очевидность для других. Поэтому участники КВН обладают способностью смеяться над сложными ситуациями.

Было проведено тестирование испытуемых по двум методикам - методика исследования агрессии Басса–Дарки [3, С. 174] и методика «Диагностика типологий психологической защиты Р. Плутчика в адаптации Л. И. Вассермана, О. Ф. Ерышева, Е. Б. Клубовой и др.» [5, С. 387].

На основе проведенного исследования были получены следующие результаты:

1. Было обнаружено, что агрессия студентов-участников команды КВН трансформируется в юмор. При этом было обнаружено, что в юмор трансформируется не косвенная агрессия, а обида. Зависть и ненависть к окружающим, гнев на весь мир за действительные и мнимые страдания выражаются в шутках и насмешках над другими.

2. Социально-психологическим аспектом трансформации агрессии в юмор является стремление избежать переживания конфликтной или фрустрирующей ситуации, а также неосознанное переключение деструктивных побуждений на шутки, остроумие, насмешку.

4. Доминирующими механизмами психологической защиты у участников игр КВН являются отрицание и интеллектуализация (включая сублимацию). То есть они не только не признают существование проблем, но и не замечают причин затруднительных ситуаций, придумывая «разумные» объяснения происходящему. Вытесненные чувства находят выражение в других ценностях, которым следует личность. В данном случае, сталкиваясь с проблемой, испытуемые из этой группы не замечают важность происходящего, обращая все в шутку, обесценивают серьезность ситуации.

5. Вместе с увеличением продолжительности участия в играх КВН увеличивается склонность к раздражению. Причины данного факта необходимо исследовать подробнее.

Таким образом, в данном исследовании был обнаружен механизм трансформации агрессии в юмор. Трансформацию агрессии обуславливает стремление избежать переживания конфликтной ситуации, а также неосознанное стремление переключить деструктивные реакции на такие проявления юмора, как шутки, остроумие, насмешки.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод о том, что юмор является одним из важнейших механизмов управления собственной агрессией. Посредством юмора люди не только избегают проблемных ситуаций, но и легко переживают сдерживание своих отрицательных эмоций. Последние не накапливаются у человека, делая его раздражительным и неудовлетворенным, а находят свой выход в социально приемлемых формах.

Результаты данного исследования свидетельствуют о необходимости дальнейшей разработки проблемы трансформации агрессии в юмор. Вероятно, было бы целесообразно разработать программу коррекционного тренинга, обучающего людей не только управлять агрессивными посылками, но и трансформировать их в социально одобряемые и безопасные формы, в частности, в юмор.

Список литературы:

1. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб: Питер, 2001. – 352 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).
2. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 512 с. (Секреты психологии).
3. Практическая психодиагностика : методики и тесты : [учеб. пособие] / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. – Самара: Бахрах-М, 2005. – 667 с. : табл.
4. Социальная психология агрессии / Б. Крэйхи. – СПб.: Питер, 2003. – 336 с.: ил. – (Серия «Концентрированная психология»).
5. Фетискин И.П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2005. – 215 с.
6. Рюмина М. Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига, 2006. – 320 с.
7. Billig M. Laughter and Ridicule, London: SAGE Publications, 2005.
8. Baron R. A. The reduction of human aggression: A field study of the influence of incompatible reactions. Journal of Applied Social Psychology, 1976, №6, p. 260-274.

Сравнительный анализ подходов к изучению понятия «идентичность»

Крахмалева Надежда Сергеевна

студентка

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

E-mail: nadyushka-86@mail.ru

Важной особенностью современного общества является его динамичность. Мир вокруг нас быстро меняется, к человеку как к профессионалу и как к личности предъявляется все больше требований. Все это приводит к потере жизненных интересов, разрушению сложившейся системы ценностей. Поиск жизненного смысла, обретение своего, а не навязанного Я - сложная задача в повседневной действительности (1).

В связи с этим в социальных науках растет интерес к теоретическому осмыслению проблем самоопределения, поиска собственного Я. В последние годы в разных науках (философии, социологии, психологии) этот вопрос формулируется в терминах идентичности. В целом, идентичность можно определить как чувство непрерывности своего бытия как сущности, отличной от всех других. Проблема идентичности в различных ее аспектах является одной из основных в современной психологической науке. Вместе с тем, пожалуй, ни одно из психологических понятий не отличается такой неопределенностью, как понятие идентичности(4).

Для развития исследований в данной области необходимо сделать анализ и обобщение накопленных работ, провести систематизацию подходов и знаний. В данной работе мы решили провести сравнительный анализ подходов к исследованию идентичности. Вслед за Ивановой Н.Л. мы выделяем несколько подходов к исследованию идентичности: психоаналитическое направление (З. Фрейд, Э. Эриксон, Дж. И. Марсиа); бихевиористический подход (М. Шериф, С. Шериф, Д. Т. Кэмпбел); символический интеракционизм (Дж. Мид, Ч. Кулей, Е. Гоффман); когнитивный подход (Г. Тэшфел, Дж. Тернер, М. Хог); конструкционистский подход (Ф. Барт, П. Бергер, Т.Г. Стефаненко) (2).

По нашему мнению, основными различиями в представлениях о понятии идентичность можно считать определение данного понятия, взгляды на структуру и формирование. Сравним вышеперечисленные направления по указанным категориям.

В психоаналитическом направлении под идентичностью понимается структура, переживаемая субъективно как чувство тождественности и непрерывности собственной

личности. Идентичность рассматривается как сложное личностное образование, состоящее из трех уровней: индивидуального (результат осознания человеком себя как относительно неизменной данности), личностного (ощущение собственной неповторимости) и социального (осознание себя частью группы). Формирование идентичности происходит посредством серии идентификаций (отождествлений), оно представляет собой серию выборов в ходе осознания и принятия данных о себе.

В бихевиористическом подходе идентичность рассматривается в рамках групповой принадлежности как осознание человеком своей причастности к группе. Акцент делается на изучении роли ситуации в развитии межгрупповых процессов. Идентичность формируется как следствие реальных межгрупповых отношений, в частности, межгрупповых конфликтов. Усиливает социальную идентичность конкуренция между различными социальными группами. Отношения сотрудничества и кооперации, напротив, снижает тенденцию к идентификации.

Представители символического интеракционизма определяют идентичность как субъективное представление о себе, самосознание личности, складывающееся из реакций на мнение о нем окружающих. Основное внимание уделяется изучению того, как другие рассматривают человека, как он сам видит себя и как соотносятся эти два процесса. Интеракционисты выделяют два компонента идентичности: самоидентичность (то, как человек воспринимает свою социальную позицию) и социальная идентичность (точка зрения других на социальную позицию человека). Идентичность формируется в ходе социального взаимодействия, а также усвоения социальных ролей.

Представители когнитивного подхода говорят об идентичности как о когнитивной системе, которая выполняет роль регуляции поведения. Идентичность относится к области Я-имиджа или Я-концепции, связана с установкой человека на себя как на объект. Она представляется как иерархия моделей, включающая в себя социальные и индивидуальные характеристики, Я-имиджи (2). Основными механизмами формирования идентичности признаются категоризация и социальное сравнение.

В конструкционистском подходе идентичность понимается как своеобразный компонент процесса социализации, который позволяет установить успешность социализации как таковой. Идентичность - динамическая система конструктов, в которой сосредоточены представления человека о самом себе, сопровождающаяся оценочными и смысловыми проявлениями. Идентичность конструируется, строится на основе понимания своего места в мире (2).

Таким образом, мы видим, что в рассмотрении понятия идентичность перечисленными направлениями есть сходные и различные черты.

Общим является то, что во всех подходах идентичность определяется как внутриличностная структура, связанная с самоопределением и представлением человека о себе. Понятие идентичность рассматривается как сходное с такими понятиями, как Эго, Я, self, самость, самосознание. Формирование идентичности является длительным процессом, а не одномоментным актом. На образование идентичности влияют как личностные, так и социальные факторы.

Основным различием подходов к изучению идентичности является предмет исследования, область интереса. Рассматривая проблему формирования идентичности, психологи ставят вопрос о степени влияния личности и общества на создание представления о себе. Большинство исследователей делают акцент на социальной природе идентичности (бихевиоризм, интеракционизм, когнитивизм), которая формируется посредством социального взаимодействия. При этом личностные факторы практически не влияют на создание образа Я. В психоанализе и конструкционизме, напротив, личность сама выбирает, с кем идентифицироваться. Структура идентичности представляется как иерархическая модель либо как набор компонентов. В некоторых направлениях (бихевиоризм, конструктивизм) вопрос о структуре идентичности не затрагивается.

Мы рассмотрели, как в перечисленных подходах определяют понятие идентичность, как формируется идентичность и какова ее структура. По нашему мнению, выделенные

различия могут быть обусловлены предпочтительным рассмотрением одной из граней идентичности – личностной (самоопределению в терминах физических, интеллектуальных и нравственных личностных черт) или социальной (принадлежностью человека к различным социальным категориям). В том случае, если основной акцент делается на изучение личностной идентичности, исследуются личностные факторы и их возможное проецирование в социальные отношения. При более детальном изучении социальной идентичности, напротив, минимизируют личностный уровень анализа, основное внимание уделяется роли ситуации в развитии межгрупповых процессов.

Литература

1. Белинская Е.П. (2007) Идентичность личности в условиях социальных изменений. Диссертация доктора психологических наук. М., 2007.
2. Павлова О.Н. (2001) Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности. М., 2001.
3. Иванова Н.Л. (2003) Психологическая структура социальной идентичности. Диссертация доктора психологических наук. Ярославль, 2003.
4. Баклушинский С.А., Белинская Е.П. (1997) Развитие представлений о понятии «социальная идентичность» // Этнос Идентичность. Образование М • ЦСО РАО, 1997.

Шопинг как совладающее поведение

Крюкова Наталия Николаевна

студентка

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, Кострома, Россия

E-mail: mejlis@mail.ru

В современных условиях практически каждый человек попадает в ситуации, субъективно переживаемые как трудные и нарушающие привычный ход жизни. Большое значение приобретает всестороннее изучение феномена психологического совладания с жизненными трудностями, связанного с необходимостью преодоления физических и эмоциональных нагрузок.

Для совладания со стрессом каждый человек на основе собственного опыта использует выработанные им копинг-стратегии, исходя из своих адаптивных возможностей и параметров трудной ситуации. Наиболее часто применяемые стратегии объединяются в стили совладающего поведения, представляющие собой более устойчивые личностные образования (Крюкова, 2004). Исследователи (R. Lazarus и S. Folkman, N. Endler и J. Parker и др.) выделяли сначала 2, затем 3 базовых стиля совладания: *проблемно-ориентированный* (рациональное решение проблемы), *эмоционально-ориентированный* (эмоциональное реагирование на ситуацию) и *стиль избегание* (уход от решения проблемы), включающий в себя два субстиля: *отвлечение* (избегание проблемной ситуации через участие в замещающей деятельности) и *социальное отвлечение* (поиск поддержки у других людей).

При рассмотрении форм отвлечения исследователи (Endler и Parker, 1990; Грановская, 2007 и др.) наряду с просмотром телепередач и телефильмов, прогулками по любимым местам и т.д., указывают и шопинг (от англ. *to shop* – покупать в магазине). Но, несмотря на это, на сегодняшний день не существует специальных исследований шопинга как инструмента совладания с трудными ситуациями. Именно это является предметом нашего исследования.

Шопинг представляет собой особое социальное поведение, формирующееся в экономически развитых странах с высокой культурой потребления и развитой структурой рыночных отношений. На данный момент шопинг, или потребительское поведение людей, изучается в основном в рамках экономических, маркетинговых и социологических исследований (Bourdieu, 1979; Baudrillard, 1996; Ильин, 2000 и др.),

акцент в которых делается на изучении социальных и индивидуальных причин предпочтения покупателями того или иного товара или услуги (Ильин, 2000). В психологии исследованию шопинга отводится гораздо меньше внимания. Как правило, исследования шопинга в психологии охватывают такие аспекты, как мотивация покупок и влияние разного рода социально-психологических факторов (мода, реклама и т.д.) на потребление.

Вместе с тем в последнее время все чаще отмечается использование шопинга не только в целях приобретения необходимых товаров, но и как средство снятия эмоционального напряжения и отвлечения от насущных трудностей и проблем. Так, по результатам интерактивного исследования, проведенного компанией ACNielsen в ноябре 2005 года, почти три четверти взрослых жителей России рассматривают шопинг в качестве развлечения и приятного времяпрепровождения. При этом 40% россиян в целях снятия напряжения и достижения эмоционального или психологического подъема используют покупку предметов одежды, а 24% – снимают напряжение через приобретение продуктов питания. Для сравнения: доля любителей такого «терапевтического шопинга», сфокусированных на одежде, в среднем, во всем мире не превышает 18%, а доля любителей «терапевтического» приобретения продуктов питания составляет лишь 10% (Волкова, 2006). Полученные данные позволяют констатировать реальное увеличение в России частоты использования шопинга в целях отвлечения от разного рода трудностей и проблем и определить новую линию исследования шопинга в психологии – как инструмента совладания с трудными ситуациями.

Шопинг представляет собой одну из стратегий отвлечения, входящую в стиль избегание, суть которой заключается в уменьшении эмоционального напряжения, вызванного определенной проблемой, через участие в деятельности, связанной с посещением магазинов (разглядывание витрин, товаров, стеллажей, приобретение вещей, общение с продавцами и др.).

В изучении шопинга как способа совладания мы выделяем несколько линий исследования. Одна из них, на наш взгляд, состоит в изучении факторов, детерминирующих выбор шопинга в качестве стратегии совладания. Мы полагаем, что частота обращения к шопингу как совладанию связана как с определенными индивидуально-психологическими и личностными особенностями субъекта, так и со спецификой стрессовой ситуации.

На сегодняшний день доказано, что одним из факторов, определяющим выбор шопинга в качестве совладания, является пол человека. Женщины более склонны выбирать шопинг в качестве стратегии совладания, нежели мужчины (Крюкова, 2004). В нашем исследовании мы проверяем эти данные, а также предполагаем, что, помимо половых, существуют возрастные различия в обращении к шопингу как стратегии совладания, а также связь между частотой обращения к шопингу как стратегии совладающего поведения и уровнем субъективно воспринимаемого одиночества, самооценкой личности и потребностью в новых впечатлениях и общении. Кроме того, мы предполагаем, что частота обращения к шопингу как стратегии совладающего, а значит, осознанного и целенаправленного, поведения связана и с контекстом конкретных ситуаций, наиболее способствующих выбору этой шопинг-стратегии. В своем исследовании мы выявляем ситуации, определяющие выбор субъектом шопинга в качестве стратегии совладания.

Еще одной линией нашего исследования становится изучение продуктивности/непродуктивности данной стратегии совладания и ее связи с уровнем адаптивности поведения человека. Мы считаем, что степень продуктивности/непродуктивности шопинга как отвлечения следует определять в зависимости от контекста ситуации и от состояния ресурсной системы человека. В своем исследовании с помощью опроса и самоотчетов испытуемых мы выявляем ситуации, в которых обращение к данной стратегии будет достаточно продуктивным и не приводящим к зависимости (аддикции).

В нашем исследовании принимают участие три группы испытуемых: 18-33 лет, 35-50 лет, 55-70 лет. Для проверки поставленных выше гипотез мы используем анкетирование, полуструктурированное интервью, метод фокус-групп, методику «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (CISS) Н.С. Эндлера и Д.Д.А. Паркера, адаптированную Т.Л. Крюковой (2001), методику диагностики уровня одиночества Д. Рассела, Г. Фергюсона и Л. Пепло (UCLA), методику измерения самооценки Столяренко Л.Д, шкалу самооценки Manaster G.J. и Corsini R.J. (1982), пятифакторный опросник личности, адаптированный А.Б. Хромовым (1999, Курган).

В докладе об исследовании шопинга как способа совладания субъекта будут приведены данные о детерминации выбора подобной копинг-стратегии, ее продуктивности/непродуктивности в различных ситуациях и связи с уровнем адаптивности поведения человека.

Литература

1. Волкова О. Большинство российских потребителей рассматривает совершение покупок как развлечение. – 2006. <http://www.oilworld.ru/news.php?view=739>
2. Ильин В.И. Поведение потребителей. – СПб.: Питер, 2000.
3. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: Монография. – Кострома: Студия оперативной полиграфии «Авантитул», 2004.

Фотография как визуальная репрезентация взаимосвязи внешнего и внутреннего Я личности

Лакосина Нелли Владимировна

аспирант

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: lanelli@mail.ru

Проблема взаимосвязи внешнего и внутреннего, телесного и духовного существует с самых древних времен. Особенности психики человека и строения его организма обуславливают огромный познавательный интерес, направленный на изучение собственного тела. С одной стороны, осознание себя как тела составляет фундаментальное отличие человека от животных (Ж. Лакан, 1997). С другой стороны, человек становится существующим для себя лишь тогда, когда может себя увидеть (В. Винникот, 2002). Вместе с тем, ключевой особенностью внешнего Я выступает то, что человеку не дана способность «верифицировать свое изображение», непосредственно его наблюдать, он «не может адекватно познать сам себя с помощью внешнего облика» (В.А. Лабунская, 2005). Такая особенность человеческого существования породила на протяжении всего филогенетического развития возникновение самых разнообразных практик исследования собственного внешнего облика⁶, его преобразования и

⁶ Первые попытки изучения человеком своего внешнего облика относятся еще к первобытному обществу, и датируются примерно 30 000 лет до нашей эры. Наскальные изображения наделяются сакральным, магическим значением, и связываются с религиозными верованиями. Начиная с эпохи зарождения человечества различные формы визуализации (рисунок, скульптура, в частности, портретные образы) выступают не просто как способ самопознания, но и несут религиозно-мистическое значение. Изображение человека рассматривались как таинственная копия, прибежище духа, замещающее телесную оболочку (божества, человека, животного). Например, отметим мумии и изображения в гробницах Древнего Египта, служащие для «места жительства» души фараона в случае ее возвращения с того света; скульптуры богов Древней Греции и Древнего Рима; запреты на изображения Бога в исламе и иудаизме или же, наоборот, иконы-образы в христианстве; средневековые легенды о вампирах, продолжающих жить после смерти в собственных портретах. В современном мире в качестве средства познания и обретения телесной идентичности выступает новая форма визуализации действительности – фотография.

модификации, а также формирование определенного отношения к телу и его экспрессивным проявлениям в зависимости от культурных, политических и социальных трансформаций.

В философских исследованиях можно выделить две основные парадигмы изучения соотношения души и тела: холистическую и дихотомическую (И.Г. Малкина-Пых, 2007). В холистической парадигме тело человека наделяется одинаковой важностью наравне с другими элементами его бытия (духом, разумом, сознанием). Дихотомическая парадигма указывает на особенность тела: от гипертрофии телесного в человеке до абсолютного противопоставления «истинному» - духовному.

В социологии внешний облик изучается в связи с феноменом моды (особенности оформления внешнего облика выполняют знаково-символическую функцию при возникновении модных тенденций) (Е.Я. Басин, 1973).

В социальной психологии проблема взаимосвязи внешнего и внутреннего рассматривается в рамках социальной психологии познания и отдельного выделившегося направления – социально-перцептивного подхода (А.А. Бодалев, В.Н. Панферов, В.Н. Куницына): внешний облик трактуется как система знаков, отражающих психологические свойства личности. В концепции «экспрессивного Я» (В.А. Лабунская, 1999) внешний облик и его связь с внутренним миром личности рассматривается через призму общения. Выделяется двойственная связь. В процессе общения у человека возникает необходимость презентации и представления себя другому. В рамках данной презентации человек конструирует и трансформирует свой внешний облик в связи собственными представлениями о себе, задавая определенную направленность восприятия себя окружающими. Вместе с этим, интерпретация его внешности в процессе взаимодействия с другими людьми формирует у человека представления о себе как о личности.

В рамках постмодернистской парадигмы взаимосвязь внутреннего и внешнего рассматривается в контексте их выражения посредством визуальных форм репрезентации действительности, в частности фотографии (П. Вирилио, В.А. Шкуратов).

«Социальные» фотографии (направленные на запечатление личности или группы лиц) выступают визуальным конструктом внешнего Я, в котором представлены динамические (мимика, жесты, поза), среднеустойчивые (особенности одежды, прическа, макияж и т.п.) и устойчивые (конституция, физиогномика) компоненты экспрессии. Отраженные на фотоизображения культурные и социальные символы, кинесико-проксемические модели взаимодействия сообщают о статусно-ролевых, гендерно-возрастных, ценностно-смысловых особенностях личности, запечатленных на них людей.

Данная особенность фотографии позволяет установить новые формы ее использования в психологической, в частности психокоррекционной практике, - как способ трансформации отношения личности к себе, значимым другим, своему внешнему облику и в целом к собственной жизни посредством социально-психологической интерпретации визуальных знаков (отдельных элементов фотоизображений).

Литература

1. Басин, Е.Я. (1973) «Гордиев узел» моды / Е.Я. Басин, В.М. Краснов // *Мода: за и против: Сб. статей / Общ. ред. и сост. В.И. Толстых. М.: Искусство, с. 40-67.*
2. Винникотт, В. (2002) *Игра и реальность. – М.: Институт общегуманитарных исследований.*

3. Лакан, Ж. (1997) Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я в том виде, в каком она предстает нам в психоаналитическом опыте // Ж. Лакан Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. – М., с. 8-9.
4. Лабунская, В.А. (1999) Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов-на-Дону: Феникс.
5. Лабунская, В.А. (2005) Бытие субъекта: самопрезентация и отношение к внешнему Я / Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. – М.: Институт психологии РАН, 2005. С. 235-257.
6. Малкина-Пых, И.Г. (2007) Телесная терапия. – М.: Изд-во Эксмо.

Понятие «поступок» в контексте системно-деятельностного подхода

Марюков Алексей Михайлович

аспирант

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: almmar@mail.ru

Психология поступка является актуальной и, в то же время, мало исследованной областью психологии. Цель данной статьи – ответить на вопрос: для объяснения какой реальности в системно-деятельностном подходе вводится понятие «поступок»?

Ряд психологов понимают под поступком действие, которое выражает отношение человека к другим людям, поставленной задаче, существующим социальным нормам, ценностям и поэтому, как правило, подвергающееся общественной оценке. Так, С.Л. Рубинштейн называет поступком действие, в котором выражена позиция, сознательное отношение человека к другим людям, к нормам общественной морали [9, с. 9, 17]. Асеев В.Г. указывает, что поступок – это всегда действие, оцениваемое в широком социальном контексте, действие, имеющее определенный социальный смысл [1]. Петровский А.В. отмечает: «Поступок – это действие, которое получает или должно, или может получить серьезную общественную оценку» [7, с. 11–12]. А.Н. Леонтьев пишет, что поступок – это действие «... судьба которого определяется не из наличной ситуации» [5, с. 202]. «Пример: вопрос о том, нужно ли будет сдавать экзамен. Я отвечаю: да, потому что я так предполагаю. Это – не поступок. Я отвечаю: да, потому что это целесообразно с точки зрения организационно-педагогической тактики. Это поступок, потому что существует и еще одно отношение, в которое данное действие входит» [там же].

Другая позиция предполагает понимание поступка как нравственного действия. При таком подходе понятие «поступок» вводится для обозначения действий, направленных на сознательную реализацию нравственных императивов, достижение идеалов, соблюдение социальных норм, творческое воплощение моральных ценностей. Такое понимание поступка представлено в работах Якобсон С.Г.

Еще одна точка зрения на поступок предложена Мясодем П.А. Мясодем П.А., предлагая свою классификацию форм активности, отмечает: «... поведение, скорее, присуще организму с его выраженным стремлением к приспособлению, деятельность соизмерима с индивидом как объектом и субъектом общественных отношений, а поступок – с личностью, утверждающей свою самобытность выходом за наличные ограничения» [6, с. 94]. С точки зрения Мясодема П.А., поступок является «борьбой человека с миром», «самодетерминированной активностью, проявлением стремления индивида к свободе вопреки обстоятельствам жизни» [там же, с. 95–96]. Таким образом, Мясодем П.А. рассматривает поступок как особого рода активность, присущую личности. Братусь Б.С. также отмечает, что личность проявляет себя в поступках [3, с. 35].

Петухов В.В. и Столин В.В. указывают, что личность начинается с поступка [8, с. 29]. Божович Л.И. пишет: «Единицей исследования личности как целостной иерархической системы должен стать поступок. Понятие поступка отлично как от понятия действия (не обязательно включающего в себе внутреннюю мотивацию), так и от слишком широкого понятия деятельности [2, с. 159]. Совершение поступка, с точки зрения Л.И. Божович, всегда сопровождается борьбой мотивов и принятием решения личностью в пользу одного из них.

Наконец, еще один взгляд на понятие «поступок» содержится в работе Вардомацкого А.П. Вардомацкий А.П., основываясь на концепции уровневого строения установок Асмолова А.Г., выдвигает гипотезу об иерархическом строении поступка. При таком подходе поступок можно рассматривать как деятельность, в которой человек выражает нравственное отношение к миру и которая разворачивается одновременно в трех «плоскостях» – смысловой, целевой и операциональной – и опосредуется, соответственно, смысловыми, целевыми и операциональными установками [4].

Таким образом, в настоящее время психологи вводят понятие «поступок» для обозначения:

- сознательных действий, в которых человек выражает свое отношение к другим людям и миру в целом и обладающих социальной значимостью;
- нравственных действий, т.е. действий, направленных на творческое воплощение существующих ценностей в индивидуальной деятельности, достижение нравственных идеалов, соблюдение нравственных императивов и т.д.;
- деятельности, в которой человек выражает свое нравственное отношение к миру;
- особой личностной активности человека, не сводимой к реализации отдельных действий или деятельности.

В нашей работе мы продолжаем традицию, связанную с рассмотрением поступка как действия, имеющего социальную значимость и выражающего сознательное отношение человека к миру. Мы понимаем под поступком действие, мотивом которого является его осознаваемый социальный смысл. Социальным смыслом мы называем объективную значимость действия индивида для решения жизненных задач другого человека, социальной группы или общества в целом. Жизненная задача – это задача, которая должна быть решена системой, для того чтобы она могла поддерживать свое существование или развиваться. Под осознанием социального смысла мы понимаем его отражение субъектом в главных системообразующих характеристиках «образа мира».

Предложенное определение поступка задает перспективу исследования его генезиса, т.е. происхождения и развития. Как видно из определения, действие становится поступком тогда, когда, во-первых, ценности других людей и общества в целом приобретают для человека личностную значимость, и, во-вторых, человек становится способен прогнозировать социальный смысл собственных действий.

Литература

1. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. Изд-во «МЫСЛЬ». Москва. 1976.
2. Божович Л.И. Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности: под ред. Д.И. Фельдштейна. Москва. Международная педагогическая академия. 1995. 212 с.
3. Братусь Б.С. Нравственное сознание личности (Психологическое исследование) – М.: Знание, 1985. – 64 с.
4. Вардомацкий А.П. Моральная регуляция поведения личности / Под ред. В.М. Конона. 1987
5. Леонтьев А.Н. Методологические тетради / А.Н. Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл. 2004.

6. Мясоед П.А. Системно-деятельностный подход в психологии развития // Вопросы психологии. 1995, № 5, с. 90–100.
7. Петровский А.В. От поступка к характеру. М., 1963 – 32 с.
8. Петухов В.В., Столин В.В. Психология: методические указания для студентов непсихологических факультетов государственных университетов. – М.: Изд-во Московского университета, 1989. – 68 с.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. т. 2. – М.: Педагогика, 1989.

Скиннер Б.Ф.: бихевиоризм в постановке новых проблем

Махмутова Анфиса Анваровна

аспирант

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: anfisa@km.ru

Множество работ в зарубежной психологии, посвященных творчеству Б.Ф.Скиннера, несоизмеримо с малочисленностью отечественных исследований (Н.Ф.Талызина «Теоретические проблемы программированного обучения» (1969), Ф.Е.Василюк «Методологический анализ в психологии» (2003), учебные пособия по истории психологии – М.Г.Ярошевский «Психология в XX столетии» (1974), «История психологии» (1976); А.Н.Ждан «История психологии» (2007) и некоторые другие). В отечественной психологии недостаточно представлено исследование теоретических принципов концепции в их логическом содержании и развитии в трудах Б.Ф.Скиннера, а часть работ ученого являются просто неизвестными. Однако в целостном понимании творчества Б.Ф.Скиннера значимым является выявление связей его теории с психологическими взглядами различных авторов. Вопросы практического применения концепции Б.Ф.Скиннера приводят к области психотерапии и новому осмыслению его трудов в связи со спросом на бихевиоральную терапию (В.Г.Ромек «Поведенческая психотерапия», 2002).

Одной из новых тем, которая затрагивается в трудах Б.Ф.Скиннера, является обращение к проблеме психологии искусства. Ученый раскрывает эту тему в связи с постановкой проблемы человеческого поведения, а искусство, в частности литература, выступает объективной формой такого поведения. Интерес к искусству возникает у Скиннера из личной привязанности к поэзии (он с молодости почти всю свою жизнь сочинял стихи) и развития в области филологии на этапе получения обучения в колледже. Анализирую поэзию в своих психологических трудах (например, по Skinner B.F. A Quantitative estimate of certain types of sound-patterning in poetry // The American Journal of Psychology. Vol. 54. 1941. № 1. P. 64-79), Б.Ф.Скиннер пытается выделить объективные элементы для анализа, в качестве которых он предлагает аллитерации. Такую работу он проводил также в отношении некоторых произведений Шекспира. Удивительно, но в психологии анализ именно «Гамлета» Шекспира проводился Л.С.Выготским (Выготский Л.С. «Психология искусства» написана 1925), который рассматривал произведение в ключе культурно-исторической психологии, иной методологии, чем у Б.Ф.Скиннера. Для Скиннера значимым становится объективность и научная точность, возможная за счет введения в анализ объективных критериев и математических процедур. Оба ученых, Л.С.Выготский и Б.Ф.Скиннер, обращаются к одному источнику, В. Шекспиру, однако налагают разное видение, смотрят разным методологическим взглядам и приходят к различным позициям.

Рассмотрение трудов Б.Ф.Скиннера позволяет обогатить представления о поле проблематики в бихевиоризме, решении и постановке фундаментальных проблем психологии, что становится значимым также в свете развития психотерапии.

Постановка проблемы исследования социального самоопределения российского среднего класса

Моисеев Андрей Сергеевич

аспирант

Институт психологии РАН, Москва, Россия

E-mail: moisey-as@yandex.ru

Введение

Актуальность изучения нарождающегося среднего класса в России не вызывает сомнений. Средний класс активно обсуждают в СМИ, исследуют в различных науках (экономике, политологии, социологии). Вместе с тем, развитие среднего класса является одной из задач государства. Так, В. Путин на расширенном заседании Государственного совета 8 февраля 2008 года заявил: «Считаю, что минимальной планкой доли среднего класса в общей структуре населения к 2020 году должен быть для нас уровень не менее 60%, а может быть, и 70%» [Путин В.В., 2008].

В исследовании ИС РАН в качестве критериев отнесения к среднему классу использовались характеристики: 1) образования (наличие как минимум среднего специального образования); 2) социально-профессионального статуса (нефизический характер труда или предпринимательская деятельность); 3) более высокого уровня благосостояния, чем средний для региона проживания респондентов (т.е. показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений в данном регионе); 4) показателей теста интегральной самооценки человеком своего положения в обществе по десятибалльной шкале, позволяющего учесть особенности *самоидентификаций* респондентов [Тихонова, 2007, стр. 9-10]. На момент исследования численность среднего класса составляла 20%-22% от экономически активного городского населения [там же, стр. 12].

С точки зрения А.Л. Журавлёва и А.Б. Купрейченко, проблема содержания и характеристик понятия самоопределения как социально-психологического явления до настоящего времени не получила должной проработки, а потому сохраняет *высокую актуальность* [Журавлёв А.Л., Купрейченко А.Б., 2007]. Подход с позиции самоопределения даёт конкретное объяснение места и роли различных социально-психологических феноменов в общей психологической структуре регуляции социального поведения личности и группы. Этот подход позволяет обратиться к *смысло-жизненным* и *ценностно-нравственным* составляющим самоопределения, позволяет учитывать *субъектные свойства* человека.

Это указывает на чрезвычайную актуальность, практическую и научную значимость изучения среднего класса с позиции его самоопределения, учитывая неоднозначность выделения среднего класса и продолжающийся процесс его формирования.

Концепция самоопределения

Под самоопределением понимается поиск субъектом своего способа жизнедеятельности в мире на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых (создаваемых) им во временной перспективе базовых отношений к миру, другим людям, человеческому сообществу в целом и самому себе, а также на основе собственной системы жизненных смыслов и принципов, ценностей и идеалов, возможностей и способностей, ожиданий и притязаний [Журавлёв А.Л., Купрейченко А.Б., 2007, стр. 40]. Проблеме самоопределения посвящено большое количество исследований, она разрабатывалась К.А. Абульхановой, Л.И. Божович, А.В. Брушлинским, А.В. Петровским, В.А. Петровским, С.Л. Рубинштейном, Д.И. Фельдштейном, А.С. Чернышёвым и др. Различным конкретным видам самоопределения посвящены

работы многих авторов. Среди них М.Р. Гинзбург, А.Л. Журавлёв и А.Б. Купрейченко, Е.А. Климов, С.Н. Пряжников и Е.Ю. Пряжникова, В.Ф. Сафин и др. [там же].

Самоопределение имеет формально-динамические и содержательные характеристики. К формально-динамическим характеристикам относятся степень сформированности, широта (многообразие сфер самоопределения, возможных способов достижения целей и правил принятия решений), гетерогенность/гомогенность системы ценностей, целей, мотивов и т.д., пропорциональность/диспропорциональность – соотношение и степень сбалансированности отдельных частей этой системы; интенсивность (скорость и продуктивность), устойчивость его во времени, ситуативная изменчивость, универсальность/избирательность ценностей, норм, правил, способов достижения целей и т.д. в различных условиях, а также характер динамики (поступательный, возвратно-поступательный, циклический и т.д.) и др. Одним из важнейших формально-динамических показателей выступает успешность самоопределения, которую можно изучать по таким конкретным показателям, как степень удовлетворённости различными сторонами жизнедеятельности и жизнью в целом, а также субъективное благополучие и субъективное качество жизни. Выделяются также личностное и групповое самоопределение [там же].

Социальное самоопределение представителей среднего класса

Выделив конкретные эмпирические показатели содержательных характеристик самоопределения (ценности и антиценности, мотивация достижения или избегания неудач, самооценка, особенности идентификации), а также успешности самоопределения как его формально-динамической характеристики (степень удовлетворённости самоопределением, субъективное качество жизни), мы получим возможность выделить различные *типы социального самоопределения*, различающиеся по переменным характеристикам. Вместе с тем, результатом и, одновременно, необходимым условием успешности самоопределения в определённой социальной сфере, с нашей точки зрения, является значимость и степень, а также уровни *активности личности* в соответствующей сфере.

Таким образом, в нашем исследовании мы попытаемся выявить психологические типы социального самоопределения представителей российского среднего класса. При этом задачами нашего исследования являются:

выявить различные психологические типы социального самоопределения среди представителей российского городского среднего класса;

установить связь между оценками значимости и степени социальной активности и успешностью самоопределения в различных сферах жизнедеятельности;

установить различия между подгруппами среднего класса по показателям успешности самоопределения и оценками значимости и степени активности в соответствующих сферах жизнедеятельности;

выявить связь ценностей и антиценностей с успешностью самоопределения в различных сферах жизнедеятельности, а также с оценками значимости и степени различных видов активности в различных сферах жизнедеятельности;

выявить группы с разными показателями успешности самоопределения, значимым ценностям и антиценностям, мотивации достижения или избегания неудач, самооценке, особенностям идентификации.

Литература

1. Журавлёв А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
2. Путин В.В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» 8.02.2008 <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>

3. Тихонова Н.Е. Критерии выделения и определение численности среднего класса в современном российском обществе // Городской средний класс в современной России. Аналитический доклад ИС РАН, М., 2007.

К проблеме взаимосвязи жизнестойкости и типологии жизненного стиля

Насибуллина Дилара Гамзатовна

студентка

Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: Dilara86@bk.ru

Введение

В последнее время отечественными и зарубежными психологами активно изучается такая личностная характеристика как жизнестойкость. Впервые о данном феномене упомянул С.Мадди, согласно которому жизнестойкость - отражает психологическую живучесть и расширенную эффективность человека, связанную с его мотивацией преобразовывать стрессогенные жизненные события. В противоположность этому, человек с низкой жизнестойкостью окажется максимально чувствительным к различным жизненным трудностям. Как следствие, у него будет развиваться физическое и психическое истощение, ему будут свойственен высокий уровень психических защит.

Но вот возникает вопрос, какие типы психических защит используют люди с разной степенью выраженности жизнестойкости?

Методы

Для выявления взаимосвязи между жизнестойкостью и психическими защитами было проведено исследование, в котором приняли участие 177 студентов, обучающихся по очной и очно-заочной форме на факультете психологии Томского государственного университета и Барнаульского государственного университета (мужчины и женщины в возрасте от 17-45 лет). Респондентам было предложено выполнить методику "Жизнестойкость" (автор С.Мадди), позволяющую оценить такие личностные свойства как вовлеченность, контроль и склонность к риску, а также методику "Индекс жизненного стиля" (Р. Плутчик в адаптации Л. И. Вассермана, О. Ф. Ерышева, Е. Б. Клубовой и др.), позволяющих определить характер психических защит личности.

Результаты

Полученные данные позволили выявить положительную корреляцию показателей методики жизнестойкости: вовлеченности, контроля, и итогового показателя жизнестойкости с защитой «отрицание» ("вовлеченность" $r=0,325$, $p=0,00$; "контроль" $r=0,306$; $p=0,00$; "жизнестойкость" $r=0,317$; $p=0,00$). Исходя из этого, можно предположить, что молодые люди, демонстрирующие высокий уровень защиты «отрицание», отличаются высокой психологической живучестью, склонностью смело вовлекаться в новую деятельность и расширенной эффективностью, которая связана с наличием у них мотивации преобразовывать стрессогенные события в новые жизненные возможности.

Вместе с тем вовлеченность и контроль отрицательно коррелируют с психической защитой "регресс" ("вовлеченность" $r=-0,398$; $p=0,00$; "контроль" $r=-0,324$; $p=0,00$). Данные закономерности свидетельствуют о том, что респонденты, сталкиваясь с жизненными трудностями, не заменяют решение субъективно более сложных задач на относительно более простые и доступные в сложившихся ситуациях. Скорее наоборот, чувствуют в себе силы и достаточно мотивированны на преодоление жизненных трудностей.

Наряду с этим, у участников нашего исследования была обнаружена отрицательная корреляция между вовлеченностью и психическими защитами "проекция" и

"замещение» ("проекция" $r=-0,324$; $p=0,00$; "замещение" $r=-0,309$; $p=0,00$), а также между жизнестойкостью и психической защитой "проекция" ("жизнестойкость" $r=-0,310$; $p=0,00$). В ходе анализа, мы предположили, что вовлеченные люди не впадают в состояние беспомощности и пассивности в ответ на изменения, происходящие в окружающем мире. В большинстве случаев они находят выход эмоциональному напряжению, возникшему под влиянием фрустрирующей ситуации, что в свою очередь приводит к облегчению или достижению поставленной цели. Им свойственно, невзирая на трудности, брать ответственность за принятые решения на себя, а не перекладывать на других.

Полученные факты позволяют сделать заключение о том, что жизнестойкость человека способствует преодолению стресса и достижению высокого уровня физического и психического здоровья. Судя по нашим данным, высокая жизнестойкость человека сопровождается наличием у него низкой степени психических защит.

Литература:

1. И.Г.Малкина-Пых. Техники психоанализа и терапии Адлера. - М.,2004
2. Л.Хьелл, Д.Зиглер. Теории личности.- СПб,2005.
3. Мадди С., Хошбаба-Мадди Д. Жизнестойкость, ее диагностика и тренинг. Видеозапись авторского семинара с русским переводом. - М., 16 июня 2002г. - 2 CD.

Личностный потенциал в преодолении неопределенности: риск, рациональность, имплицитные теории⁷

Новикова Мария Александровна

студентка

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: spieluhr87@mail.ru

В личностной регуляции учебной деятельности студентов существенное место занимает преодоление условий неопределенности, когда человек использует возможности опоры на собственный интеллектуально-личностный потенциал. Это включает, в частности, имплицитные теории интеллекта и личности, а также соотношения таких черт, как готовность к риску и рациональность, выступающие особенностями саморегуляции в ситуациях неопределенности. Наряду с мотивацией эти показатели могут рассматриваться в качестве предикторов успешности учебной деятельности.

Американская исследовательница К. Двек предположила, что имплицитные теории о сущности интеллекта влияют на те цели, которые ставят студенты в ходе учебы, и, соответственно, на успешность обучения. Так, лица, считающие интеллект свойством, «прирастающим в процессе обучения», и ставящие перед собой гностические цели, успешнее в учебе, чем те, кто считает интеллект постоянным свойством, а в учебе, прежде всего, стремится к высокой оценке и похвале. Также в ее концепции речь идет и об имплицитных теориях личности: те, кто считает, что личность может развиваться и расти, находятся в постоянной работе над собой, включаются в отношения даже с неопределенным исходом.

Методика Двек в переводе и модификации С.Д. Смирновым была адаптирована для российской выборки (Смирнов, Корнилова, Чумакова и др., 2008), были выявлены связи имплицитных теорий с уровнями психометрического и эмоционального интеллекта, а также с самооценкой студентов.

⁷ Тезисы доклада основаны на материалах исследований, проведенных в рамках гранта Российского Гуманитарного Научного Фонда (грант №07-06-00101а).

Целью нашей работы стало установление взаимосвязи имплицитных теорий интеллекта и личности с показателями риска и рациональности, а также с выраженностью толерантности к неопределенности как личностными свойствами регуляции решений и действий в условиях неопределенности. *Готовность к риску* понимается как готовность к самоконтролю действий при заведомой неполноте или недоступности необходимых ориентиров (Корнилова, 2003). *Рациональность* – как готовность обдумывать свои решения и действовать при возможно более полной ориентировке в ситуации. *Толерантность* и *интолерантность к неопределенности* еще только обсуждаются в отечественной литературе в контексте введения их в качестве разных личностных шкал. В дипломной работе Помозковой М. была проверена гипотеза о конвергентной валидности опросников, с помощью которых измеряется толерантность и интолерантность к неопределенности. Это дало нам возможность опираться в исследовании на апробированную для русскоязычных студенческих выборок методику их измерения (опросник ТИН).

В нашем исследовании проверялись следующие **гипотезы**:

1. О положительных связях между показателями *имплицитных теорий* обогащаемого интеллекта и личности, функционирующих как житейские представления студентов, с постановкой ими учебных целей, а также с субъективной *готовностью к риску*.

2. О положительных связях между *толерантностью к неопределенности*, принятием учебных целей и *имплицитными теориями* обогащаемого интеллекта и личности.

3. Об отрицательных связях между *интолерантностью к неопределенности* и имплицитными теориями обогащаемого интеллекта и личности, а также принятием целей учения и самооценкой включенности в учебную деятельность.

Методика: в корреляционном исследовании был использован опросник «Личностные факторы принятия решений» - ЛФР (разработан Т.В. Корниловой), опросник ТИН (Толерантности и интолерантности к неопределенности), построенный на основе перевода 4 наиболее часто используемых вербальных методик, методика К. Двек - С.Д. Смирнова для оценки типов имплицитных теорий и личности.

Выборка: 144 студента 3-го курса факультета психологии МГУ им. Ломоносова в возрасте от 18 до 25 лет, 29 юношей и 115 девушек.

Результаты: 1. Установлены положительные корреляции *принятия целей* обучения ($\rho=0,205$, $p<0,005$) и теории *обогащаемого интеллекта* с *готовностью к риску* по ЛФР ($\rho=0,200$, $p<0,05$). Возможное объяснение заключается в том, что риск понимается, в частности, как готовность полагаться на свой потенциал (Корнилова, 2003). Студенты, разделяющие представление о возможности роста (обогащения) интеллекта в обучении и ставящие перед собой гностические цели в учебе, верят в свои силы. Они полагаются, прежде всего, на самих себя, а не, к примеру, на внешнюю оценку.

2. Возникают некоторые сложности с интерпретацией отрицательной связи между принятием учебных целей и *рациональностью* по ЛФР ($\rho=-0,179$, $p<0,01$). Получена значимая отрицательная корреляция между *готовностью к риску* и *рациональностью* ($\rho=-0,353$, $p<0,01$), а учебные цели с риском коррелируют положительно. Рациональность как готовность действовать при возможно более полной ориентировке (Корнилова, 2003), противоположна в некоторой степени познавательному риску, который присутствует у лиц, ориентирующихся на приобретение мастерства, а не на результат в виде хорошей оценки

3. *Толерантность к неопределенности* - первый фактор опросника ТИН - отрицательно связана со вторым и третьим факторами – двумя видами *интолерантности* ($\rho=-0,174$, $p<0,05$ и $\rho=-0,291$, $p<0,01$). Это хорошо согласуется с результатом, полученным в исследовании М. Помозковой, где так же присутствовала обратная корреляция между первым и третьим факторами. Согласно результатам ее и нашего исследования, в качестве разных свойства следует рассматривать не только *толерантность к неопределенности* и *интолерантность* как *стремление к контролю в межличностных отношениях*, но и *интолерантность к неопределенности* как стремление к упорядоченности.

4. *Толерантность* отрицательно коррелирует с *рациональностью* по ЛФР ($\rho=-0,170$, $p<0,05$). Таким образом, стремление к изменениям, новизне и сложности зачастую не

предполагает длительной ориентировки в ситуации и сбора наибольшего количества информации.

5. *Интолерантность* как стремление придерживаться правил и контроль в межличностных отношениях - положительно коррелирует с *рациональностью* по ЛФР ($\rho=0,181$, $p<0,05$) и отрицательно – с *готовностью к риску* ($\rho=-0,364$, $p<0,01$). Таким образом, желание разложить все «по полочкам» в межличностных контактах не предполагают рискованных решений, принятых при недостатке информации.

6. *Толерантность* положительно коррелирует с учебными целями ($\rho=0,218$, $p<0,01$). Субъект, ставящий в обучении, прежде всего, гностические цели (а не просто ориентирующий на результат), менее зависим от каких бы то ни было внешних ориентиров, он может воспринимать сложную неопределенную ситуацию как вызов, как трудную задачу, которую необходимо решить. Соответственно, вполне правдоподобной выглядит и отрицательная корреляция между принятием целей и интолерантностью как стремлением к упорядоченности ($\rho=-0,197$, $p<0,05$).

Выводы: основные гипотезы исследования подтверждены. Готовность к риску характеризует субъектов, придерживающихся имплицитных теорий наращиваемого интеллекта и ставящих перед собой цели овладения мастерством (а не прагматические). Они отличаются толерантностью к неопределенности и им не свойственно непринятие неопределенности (проявляющееся в стремлении к упорядоченности).

Исследование феномена одаренности в контексте культурно-исторической теории Л.С. Выготского

Овчинникова Наталья Юрьевна

студентка

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

E-mail: natalyaovchinnikov@yandex.ru

Феномен одаренности представляет собой комплексную проблему, стоящую на стыке дисциплин. В настоящее время наблюдается повышенный интерес к ней, особенно в вопросах, касающихся выявления, обучения и развития одаренных детей. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования, направленные на разрешение проблем «скрытой» одаренности, кризисов детской одаренности, различных трудностей одаренных детей в обучении, общении и т.д.

Характер исследований одаренности детерминирован основными положениями натуралистической и социокультурной парадигмы.

При сохранении актуальности вопрос неординарности личности требует теоретико-методологического осмысления, в отличие от доминирующего долгое время теоретико-практического подхода.

Это предполагает, во-первых, определение той реальности, которая стоит за понятием «одаренность», в концептуальном, наиболее общем плане, во-вторых, формулирование принципиальных отправных моментов новой социокультурной парадигмы, наиболее ценным в которой является понимание одаренности как феномена индивидуального, неповторимого пути развития конкретного ребенка в условиях данной конкретной культуры.

На наш взгляд, наиболее перспективной и реально воплотимой в будущем является социокультурная практика исследования одаренности в контексте культурно-исторической теории Л.С. Выготского (И.А. Бурлакова, Л.А. Венгер, И.П. Ищенко, Н.С. Лейтес, О.И. Чехонина, В.С. Юркевич, Е.К. Ягловская и др.).

Большинство современных психологов, используя понятие «ребенок с признаками одаренности», подразумевают под этим детей с высоким уровнем интеллекта ($IQ \geq 120$) и развитой креативностью, детей, чей уровень развития превышает средний для данного возраста, или детей с индивидуальным когнитивным, мотивационным и социальным

потенциалом, позволяющим достигать высоких результатов в одной или нескольких областях.

Последнее давало исследователям право рассматривать явление одаренности в контексте закона нормального распределения Гаусса-Лапласа. Он выражается математической кривой, центральная часть которой символизирует норму, а симметричные левая и правая ее части – отклонение от этой нормы (имеются в виду, с одной стороны, одаренные дети, с другой – дети с «задержкой» психического развития).

В данном случае абсолютно упускается из виду, что те закономерности развития, которые действуют по отношению к обычным детям, действуют и по отношению к одаренным. А следовательно, слишком интенсивное развитие психического процесса, который не предполагает доминирования в данном возрасте влечет за собой отставание в становлении остальных «периферических» функций.

В зависимости от характера движущих сил, способствовавших ускоренному формированию функции, одаренность трактуют с точки зрения биогенетической или биосоциальной теории, так или иначе подразумевая «положительное» отклонение от нормы.

Нам кажется, подобный подход предполагает возникновение ряда вопросов. В частности: если становление одаренности обусловлено органическими факторами, есть ли необходимость в специальном, стимулирующем обучении? И, если ведущая роль отводится социальному воздействию, правомерно ли вообще говорить об одаренности?

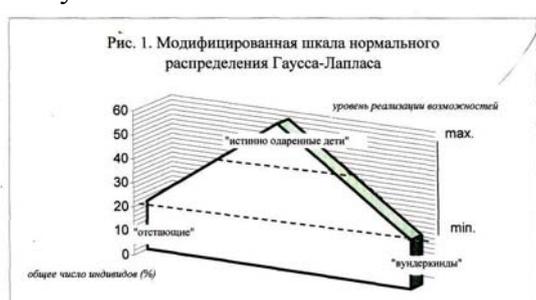
Противоречий удастся избежать, обратившись к идеям Л.С. Выготского о развитии ребенка как широком спектре осуществляющихся возможностей. «...Стоит только взглянуть на ребенка, и мы увидим, что в нем заключено гораздо больше возможностей жизни, чем те, которые находят свое осуществление, а осуществившееся поведение есть ничтожная часть того, которое реально заключено в виде возможности»⁸.

Вышесказанное позволяет считать обоснованным использование следующей трактовки терминов:

— «истинно одаренный ребенок» - ребенок, специфика развития которого заключается в более полном освоении тех форм психических функций, которыми характеризуются способности данного возраста;

— «вундеркинд» - ребенок с ускоренным развитием психических процессов, доминирование которых не предопределено закономерностями онтогенеза в рамках данного возраста. При этом выдающиеся способности к одному или нескольким видам деятельности сочетаются с нереализованными возможностями освоения других ее форм.

Феномен «истинной одаренности» может быть проиллюстрирован с помощью модифицированной шкалы Гаусса-Лапласа.

Таким образом, главные результаты организованного исследования заключались в разработке целостного комплекса взаимосвязанных методик диагностики одаренности младших школьников, доказательстве его надежности и валидности ($p < 0,01$ по критерию Стьюдента).

Основные выводы могут быть представлены в двух аспектах: понимание одаренности как феномена максимально реализуемых возможностей в зоне развития данного возраста и

⁸ Асмолов А.Г. Материалы VII международной конференции по профессиональной ориентации в университете Асия (Япония) 9 – 11 мая 1991.

нецелесообразность построения диагностических исследований, ориентированных на типологизацию одаренности в рамках основного образования.

Итак, проведенное исследование основывается на принципиально иной модели одаренности, признание правомерности которой снимает большинство теоретических противоречий и позволяет иначе взглянуть на проблему выявления, воспитания и обучения «истинно одаренных» детей.

Литература

1. Аверина, И.С., Щепланова Е.И., Перлет К. Адаптация Мюнхенских тестов познавательных способностей для одаренных учащихся // *Вопр. психол.* 1991. № 5. С. 173 - 178.
2. Бабаева Ю.Д. Динамическая теория одаренности // *Основные современные концепции творчества и одаренности* / Под ред. Д.Б. Богоявленской. – М., 1997. С. 275 – 294.
3. Выготский Л.С. История развития высших психических функций / Л.С. Выготский. - М.,1983. СС. т.3
4. Выготский Л.С. Проблема возраста / Л.С. Выготский. - М.,1984. СС. т.4.

Тьюториа́л как средство помощи в выстраивании жизненной линии студентов - тьюторов

Петропавловская Наталья Владимировна

студентка

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия*

E-mail: Nata-0072@yandex.ru

Жизнь человека состоит из событий прошлого, настоящего и будущего. Опираясь на свою систему ценностей, личность ставит перед собой цели, преодолевает препятствия, получает определённый результат, тем самым, связывая события, происходящие с ней, в единую линию своей жизни. Но процесс становления человека как субъекта своей жизнедеятельности, о котором впервые заговорил С.Л. Рубинштейн, достаточно продолжителен и может быть осложнён характером, направленностью личности, социальной средой и другими факторами. Молодой человек, осуществив свой профессиональный выбор, поступив вуз, не всегда осмысленно задумывается о будущем, которое его ждёт после получения диплома, а чаще всего погружается в повседневные заботы, разрешение ситуативных проблем. А когда приходит время выбора дальнейшего жизненного пути, направления деятельности, то перед ним возникает ряд проблем, осложняющих этот выбор. Поэтому юноше, который обретает смысл жизни, заранее планирует своё будущее, берёт на себя ответственность за свои поступки, легче будет выстроить линию своей жизни, самореализоваться и адаптироваться в изменяющихся условиях современного общества.

Проблеме жизненного пути, жизненной линии посвящены труды многих учёных. Среди них Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, Э. Берн, Ш. Бюлер, П.Жане, И.С. Кон, С.Л. Рубинштейн, К. Юнг и другие. Особые заслуги в изучении данного вопроса принадлежат К.А. Абульхановой-Славской. Под линией жизни она понимала определённую последовательность личности в проведении, реализации своей жизненной позиции, верность себе, своим принципам и отношениям в изменяющихся обстоятельствах. Это характеристика жизненного движения личности во временном и ценностно-смысловом отношениях, это способы связи прошлого, настоящего и будущего, образовавшиеся у личности [1]. На наш взгляд, жизненная линия- это такой способ организации личностью своей жизни, основными характеристиками которого

являются осмысленность, принятие ответственности за свою жизнь, наличие определённой жизненной позиции, а так же построение временной перспективы.

Данное положение легло в основу нашего исследования, которое проводилось среди студентов второго и третьего курсов на факультете начальных классов КГПУ им. В.П. Астафьева. Результаты констатирующего эксперимента позволяют говорить о том, что жизненная линия студентов недостаточно осмысленная, не всегда берётся ответственность за свою жизнь, а также характеризуется неустойчивой жизненной позицией, отсутствием чётко выстроенной временной перспективы.

Формирующий эксперимент проводился в рамках внеучебной деятельности, которая является существенным элементом образа жизни студентов, принимавших участие в исследовании. С 2005 года на факультете начальных классов КГПУ им. В.П. Астафьева во внеучебной деятельности реализуется проект тьюторского сопровождения студентов младших курсов. Основой тьюторского сопровождения во внеучебной деятельности является положение о том, что студенты старших курсов обладают практическим опытом преодоления специфических ситуаций, возникающих в ходе обучения в вузе, который может быть передан тем, кому он необходим. Т.о. студенты III – IV курсов выступают в роли тьюторов, а первокурсники - в роли их подопечных. Проект предполагает отбор, а также организацию подготовительных занятий для будущих тьюторов.

Результаты констатирующего эксперимента, проведённого нами на этапе отбора тьюторов, позволили скорректировать программу подготовки студентов к будущей деятельности и сделать наибольший акцент на формах и методах, способствующих осознанию студентами своей жизни, принятию ответственности, развитию таких качеств как активность, инициативность, ответственность, умению организовывать своё время, ставить цели, планировать. Основная форма работы, используемая для подготовки к деятельности, это тьюториал - занятие с применением методов интерактивного обучения, направленное на освоение обучаемыми определенного материала, овладение методами коллективной работы, а также на развитие мыслительных, коммуникативных и рефлексивных способностей [5]. Подготовка тьюторов осуществляется поэтапно. В ходе вводного этапа происходит знакомство участников, осознание собственных ресурсов, желаний, определение качеств тьютора и соотнесение их с собственными возможностями, приобретение навыков рефлексии. Цель данного этапа - осознание тьюторской деятельности в контексте своей жизни. Основным этапом подготовки - наиболее интенсивный и продолжительный. Важным элементом данного этапа являются дискуссии, которые, на наш взгляд, способствуют не только более глубокому пониманию таких понятий, как активность, ответственность, линия жизни, но и переосмыслению, пересмотру своих убеждений, а также, что немаловажно для нас, побуждению к действиям. Материал, который лежит в основе каждого тьюториала прорабатывается студентами несколько раз: самостоятельное изучение, групповое обсуждение, разработка и проведение занятия с подопечными по схожей тематике. Такая многоуровневая проработка материала, на наш взгляд, способствует не просто усвоению материала, а влиянию на установки, взгляды, позиции тьюторов.

На третьем, завершающем этапе происходит обобщение, подведение итогов, индивидуальная, групповая рефлексия деятельности в контексте своей жизни. Значительное количество времени в ходе каждого тьюториала отводится организации и проведению рефлексии, которая позволяет человеку заглянуть в свое прошлое, настоящее, будущее, что является особо важным в построении линии своей жизни.

Возвращаясь к задачам и целям тьюториала, важно отметить, что занятия с тьюторами выполняют двойную функцию: во - первых, это подготовка тьюторов к будущей деятельности (освоение определённого объёма теоретической информации, овладение новыми формами групповой работы), во- вторых, это личностное развитие студентов - тьюторов, помощь в построении их жизненной линии, жизненных планов, временной перспективы. Содержание работы по этим двум направлениям пересекаются.

Научаясь планировать, ставить цели тьюторской деятельности, быть активными, ответственными в ней, данные умения и качества студенты - тьюторы переносят в свою жизнь.

Таким образом, разработанная и реализованная нами программа тьюториалов позволяет оказать помощь в построении студентами - тьюторами линии своей жизни, что является важным как для личностного развития тьюторов, так и для более успешного осуществления тьюторского сопровождения студентов первого курса.

Литература

1. Абульханова - Славская К.А. Стратегия жизни.-М: Мысль,1991.-299
2. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе. // Вопросы психологии. №2, 1979, С. 23-34.
3. Васильева О.С. Изучение основных характеристик жизненных стратегий человека // Вопросы психологии, 2001 №2, с 74-78
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии - СПб: Издательство «Питер», 2000 - 712 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»)
5. Савельева Е.А. Некоторые аспекты воспитания студентов в условиях дистанционного образования. www.rusnauka.com/PNR_2006/Pedagogica

К вопросу о психологическом сопровождении переживания личностных изменений

Раздина Ольга Сергеевна

студентка

Томский государственный университет, Томск, Россия

Проблематика переживания личностных изменений, является одной из самых насущных для психологии, хотя бы в силу того, что многие психологические практики предполагают как результат некоторые личностные изменения.

Психология имеет достаточно внушительный багаж концепций, затрагивающих те или иные аспекты личностной трансформации. Р.Мэй, К. Роджерс, И. Ялом, Дж. Бьюдженталь, Д.А. Леонтьев, Д. Сапронов, С. Мадди, и многие другие изучали этот процесс в контексте самореализации, аутентичности, установок на изменение, жизнестойкости, личностного потенциала и т.д.. Однако в современной психологии все еще существует дефицит исследований, посвященных целенаправленному и целостному изучению феномена переживания личностных изменений, а так же форм психологического сопровождения этого процесса.

В данной работе представлен второй этап исследования, посвященного поиску формы психологического сопровождения личностного изменения. Первый этап исследования помог вскрыть содержание переживания личностных изменений. В исследовании использовались следующие методы: шкала «Толерантности к неопределенности» Баднера, опросник жизнестойкости С. Мадди. Так же проведен контент – анализ материалов анкетирования, интервьюирования, проведено феноменологическое исследование. Выборка состояла из студентов Томского государственного университета, преимущественно гуманитарных факультетов.

В нашем исследовании личностное изменение рассматривается, как сложный процесс, который содержит возможность обретения смысла, и аутентичности, отказа от «устаревших» установок, интроектов. Являясь содержанием процесса становления, переживание личностных изменений предполагает контакт личности с основными характеристиками человеческого бытия, такими, как свобода, ответственность, одиночество, бессмысленность, угроза бытия. Содержанием процесса, согласно проведенному нами феноменологическому исследованию, является переживание

внутреннего конфликта, возникшего в ходе взаимодействия с миром. Человек встает перед выбором между стремлением к сохранению и необходимостью и возможностью расширения границ сознания, изменения способа контакта с миром. Выбор последнего возможен благодаря такому способу контакта с неопределенностью как Встреча, предполагающий открытость новому опыту, обретение новых смыслов [4]. Результатом переживания личностных изменений может стать обретение аутентичности или отчужденность от собственного Я. Эмоциональный компонент переживания личностной трансформации, чаще всего содержит разнополюсные чувства, центральным из которых является тревога. Этапы переживания личностных изменений связаны с динамикой переживания тревоги, что согласуется с воззрениями экзистенциальных психологов [1]. Субъективное значение переживания личностных изменений заключается во взрослении. В случае, когда взаимодействие с неопределенностью происходит по типу столкновения, взросление воспринимается как необходимость. В случае, когда взаимодействие с неопределенностью происходит по типу Встречи, взросление воспринимается как подтверждение возможностей, свобода и ответственность, авторство. изменение общего отношения к миру (более открытое) и обретение уверенности в будущем, которая базируется на осознании своих возможностей.

Согласно теории личностного динамизма Леонтьева Д.А., Сапронова Д.В., определяющее значение имеет готовность человека изменяться [3]. Неготовность к изменениям рассматривается как «отсутствие адекватных механизмов совладающего реагирования на вторжения в его жизнь», к которым относятся: открытость опыту, толерантность к неопределенности, способность идти на риск. Продолжая эту мысль, мы считаем, что готовность к личностным изменениям включает к тому же: способность чувствовать и понимать феномены внутреннего мира, доверие к себе, мужество, в его экзистенциальном понимании [1].

Соответственно, обращаясь к вопросу о психологическом сопровождении переживания личностных изменений, можно заключить, что оно должно включать не только индивидуальную работу по конкретным жизненным ситуациям изменения, но и фасилитацию готовности к личностным изменениям. В качестве такой формы фасилитации личностных изменений нами предлагается мастерская спонтанности.

Концепция такой формы групповой работы, как мастерская, разрабатывается Я.Б. Частоколенко, согласно которой «Пространство» творческой мастерской в первую очередь должно нести в себе как потенциальную так и реальную, реализуемую возможность изменений, «текучести», незавершенности и незавершимости. «Ядром» пространства мастерской является контакт с неизвестностью» [4]. Специфика нашей мастерской в том, что основные методы, составляющие её, предполагают спонтанность со стороны участников.

Стоит отметить, что спонтанность есть выражение не только страдания, но и радости. В спонтанности проецируется способ жизни, так как скрытые содержания сознания легче переходят в переживаемое, актуализируются забытые мечты, неосознаваемые факторы, влияющие на принятие того или иного решения, выбор способа поведения. Спонтанность всегда предполагает неопределенность, и она невозможна без доверия к себе, и мужества, в его экзистенциальной трактовке. Морено рассматривал спонтанное поведение в качестве «противоядия» возрастающей ригидности социально-ролевого поведения [2].

Таким образом, спонтанность рассматривается как предпосылка здоровья, дальнейшего развития, творчества и аутентичности. А мастерская спонтанности позволяет не только раскрыть творческий потенциал участников, но и представляет собой способ обретения аутентичности, готовности к личностным изменениям.

Идея мастерской спонтанности, как способа фасилитации готовности к личностным изменениям, находится на стадии разработки и воплощения. Однако, уже

сейчас можно говорить о широких возможностях её применения, прежде всего в образовательной сфере.

Список литературы:

1. Мэй Р. Открытие Бытия. Москва: Институт Общегуманитарных Исследований, 2004-224с.
2. Морено Дж. Театр спонтанности. Красноярск. ФМЗ, 1993
3. Сапронов Д.В., Леонтьев Д.А. Личностный динамизм и его диагностика//Психологическая диагностика, 2007.№1.С. 66-84.
4. Частоколенко Я.Б. Динамические особенности первичного творчества.- Томск,2005.-266с.

Методический подход к исследованию межличностной сенситивности

Самекин Адиль Серикпаевич

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва Россия

E-mail: S_Adil@list.ru

Интерес к исследованию социальной перцепции в психологии возник в середине XX века. Именно это время можно охарактеризовать как пик исследовательского интереса к вопросам восприятия и понимания людьми друг друга. В этот период в работах множества российских и зарубежных авторов были выделены основные закономерности восприятия человека человеком, рассмотрены особенности влияния личностных и ситуационных факторов, выделены также возрастные, половые и профессиональные различия в формировании образа другого человека (Г.М.Андреева, А.А.Бодалев, Ю.М.Жуков, В.А.Лабунская и др) [1,2,3,4].

Э.Торндайк в 1920 году для объяснения поведения человека в новых социальных ситуациях ввел понятие «социальный интеллект» для обозначения «дальновидности в межличностных отношениях» [5]. Только в 60-е годы XX века Дж. Гилфорд создал первый надежный тест для измерения социального интеллекта. Возможность измерения социального интеллекта вытекала из общей модели структуры интеллекта Гилфорда. Согласно концепции Гилфорда, социальный интеллект представляет собой систему интеллектуальных способностей, независимую от факторов общего интеллекта. Эти способности, так же как и общеинтеллектуальные, могут быть описаны в пространстве трех переменных: содержание, операции, результаты. Гилфорд выделил одну операцию – познание (С) – и сосредоточил свои исследования **на познании поведения (СВ)** [там же].

В конце XX века исследовательский интерес был смещен с социального интеллекта на эмоциональный интеллект. Дж. Мэйер, П. Саловой, Д. Гоулман стали пионерами в исследовании эмоционального интеллекта. Салоуэй и его соавтор Джон Майер определили эмоциональный интеллект как «способность воспринимать и понимать проявления личности, выражаемые в эмоциях, управлять эмоциями на основе интеллектуальных процессов» [5]. Однако, до сих пор среди ученых нет четкого представления об эмоциональном интеллекте. Несмотря на такую разобщенность представлений в науке, термин «эмоциональный интеллект» получил широкое распространение сколько не в психологии, а в сфере менеджмента [5,6].

В настоящее время наблюдается возрождение интереса к традиционной проблематике, как в экспериментально-теоретической сфере, так и, особенно, в прикладной. До сих пор, в науке, ни социальный интеллект, ни эмоциональный интеллект не позволяют объяснить проблему восприимчивости личности. В связи с этим встает вопрос о выявлении и роли конкретных механизмах, которые лежат в основе межличностного познания.

Одним из таких механизмов, на наш взгляд, является межличностная сенситивность, которая проявляется в восприимчивости (чувствительности) личности к социальным изменениям в процессе взаимодействия. Чувствительность проявляется в способности человека дифференцировать объекты. Восприимчивость проявляется в учете новой социальной информации в процессе взаимодействия и способствует более гибкому и эффективному поведению личности в процессе общения, следовательно, быстрой адаптации в изменяющихся условиях, с другой стороны, развитию способности к рефлексии.

Межличностная сенситивность, на наш взгляд, является метакомпетентностью личности, которая проявляется в трех аспектах: перцептивная, интерактивная, коммуникативная стороны общения [1].

Понятие межличностной восприимчивости приобрело особую значимость в связи с интенсификацией межличностных контактов и тем обстоятельством, что эффективность общения между людьми и выполнение совместной деятельности требует от каждого участника формирования точного и адекватного образа другого человека.

В связи с этим возникает логический вопрос: является ли межличностная сенситивность общим фактором, который тесным образом связан с социальным и эмоциональным интеллектом, либо несовместимым независимым фактором.

Целью исследования является разработка методики, которая позволяет на разных ситуационных задачах диагностировать межличностную сенситивность.

Задачами нашего исследования являются:

Определить является ли межличностная сенситивность общей или специальной способностью.

Определить связь между межличностной сенситивностью и восприимчивостью к обучению.

По окончании исследования планируется провести корреляционный анализ, целью которого является проверка связи между диагностикой свойств и состояний личности и ее связи с межличностной сенситивностью.

Разработанная нами методика моделирует ситуацию при приеме на работу. Перед интервьюированным ставится задача ответить на вопросы интервьюера, касающихся своей биографии. Причем в одном случае интервьюированный должен лгать, а в другом случае говорить правду, отвечая на одни и те же вопросы, касающихся его фактов биографии. Уникальность разработанной технологии в том, что в опроснике *используются стандартные вопросы, конкретно не диагностирующие психотип и темперамент личности*. На первом этапе интервью записывается на видеорекамеру для дальнейшего отбора и анализа полученного материала. На следующем этапе мы прибегли к помощи экспертов, которые являются авторитетными работниками кафедры социальной психологии МГУ им.М.В.Ломоносова и имеют богатый опыт консультативной помощи ведущих организаций России. Перед экспертами стоит задача: на основе видеосъемки испытуемых только по поведенческим признакам определить психотип: NT,NF, SP,SJ (Кейрси) и тип темперамента: меланхолик, сангвиник, холерик флегматик (Гиппократ).

После того, как эксперты на основе поведенческих признаков определили психотип и темперамент интервьюированного, этот видеоматериал демонстрируется испытуемым, которые индивидуально должны определить по поведению интервьюированного: говорит он ложь/правду, а также определить его психотип и темперамент. На последующих этапах можно разложить ситуацию поведенческий рисунок на 3 составляющих: телодвижение, речь, текст.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для высших учеб. заведений. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 376с.
2. Бодалев А.А. Формирование понятия о другом человеке как личности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. – 136с.

3. Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. / Перевод с англ. – Изд-во: Алпина Бизнес Букс, 2007. – 302с.
4. Жуков Ю.М., Д.В.Хренов Методический анализ исследования неискренности// Мир психологии. №3. 1999. с.219-230.
5. Михайлова Е.С. (Алешина) Тест Дж.Гилфорда и М.Салливнеа Диагностика социального интеллекта/Методическое руководство:Изд-во ГП «Иматон», 2002.- 52с.
6. Психология межличностного познания/Под ред. А.А. Бодалева; Акад. пед. наук СССР.- М.: Педагогика, 1981.- 224с.

Тревога небытия как природа чувства вины

Солодушкина Марина Владимировна, Метель Мария Анатольевна

студенты

Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: s-tg@mail.ru

В большинстве источников мы находим, что происхождение чувства вины – исключительно в страхе одиночества, лишения любви, наказания, которые последуют в случае нарушения нравственных, правовых и пр. норм (Ф. Ницше, З. Фрейд, Г. Мандлер, Б. Магер, Д. Ангер и т.д.). Некоторые авторы даже не считают, что эти нормы обязательно интериоризированы. Однако с этими выкладками не согласуется тот факт, что люди независимые, способные к эмпатии и рефлексии, зачастую больше других страдают от чувства вины; у тех же, кто весьма связан социальными нормами, нередко наблюдается слабая интенция к переживанию вины, хотя может быть развито чувство стыда (разграничение стыда и вины мы проводили в одной из своих работ [1]). По нашему мнению, если вышеуказанный подход и верен, то лишь отчасти. Главную же роль в появлении вины, на наш взгляд, играет противоречивость человеческого бытия.

Человек изначально тревожен, он не может смириться с данностями своего бытия, но и изменить их зачастую не способен. Наличие этого противоречия и вызывает множество переживаний, одним из которых может стать и чувство вины. Р. Мэй говорил о том, что полностью истребить чувство вины невозможно, да и не стоит этого делать, т.к. зачастую его появление свидетельствует о духовном начале в человеке [2]. Тем не менее, многие люди (включая, к сожалению, и психотерапевтов) считают вину серьезной проблемой, над решением которой они бьются. Как правило, эта битва оказывается проигранной. Не понимая сути вины, невозможно правильно относиться к ее появлению, и тогда грамотная помощь становится невозможной.

Таким образом, нам представляется чрезвычайно важным понять, какой смысл сокрыт в переживаниях человека. Что стоит за чувством вины? Если мы найдем ответ на этот вопрос, если верно интерпретируем значение вины для человека, мы сможем понять, каким образом адекватно помочь ему.

Р. Мэй писал, что чувство вины – это «осознание разницы между тем, какова вещь, и тем, какой она должна быть» [2, С. 20]. Именно поэтому появление чувства вины в течение жизни неизбежно: экзистенциальные данности (смерть, бессмысленность и т.д.) никогда не позволят человеку почувствовать, что в мире всё, «как надо». Одна из данностей – смерть или небытие – имеет, на наш взгляд, первостепенное значение для понимания природы чувства вины. Появление вины – признак того, что человек сопротивляется смерти, не может принять ее неизбежность (об этом писал, например, И. Ялом [3]).

Мы не можем не совершать ошибки, не можем не причинять ущерба себе и окружающему миру. Каждая осуществленная человеком возможность «убивает» другие, лучшие возможности, которые могли бы осуществиться, если бы и сам человек, и

обстоятельства мира были идеальны. Чувство вины появляется в момент осознания несоответствия между тем, чего мы хотели, и тем, что в итоге имеем (добавим: только в том случае, если человек видит хоть небольшую связь между ситуацией и своей ответственностью). Важно то, что вернуться уже нельзя – образно говоря, «смерть» лучшего выбора состоялась. Если бы мы могли всё исправить до конца, вины просто бы не возникало. Итак, тревога небытия играет ключевую роль в появлении вины.

Сделаем небольшое пояснение. В литературе существует разделение вины на реальную, экзистенциальную и невротическую. Невротическая вина – образование, которое субъективно кажется виной, но ею не является (выполняет другие функции). Реальная вина обусловлена реальным причинением ущерба другому. Экзистенциальную вину нередко трактуют только как вину, вызванную преступлением против себя, но, кроме этого, к ней относится и вина сепарации от природы, и вина перед людьми (которых мы никогда не способны до конца понять и удовлетворить) [4]. Таким образом, реальная и экзистенциальная вина тесно сплетены. Их различие, на первый взгляд, состоит в том, что первую можно искупить, а вторую – нет, она есть и будет всегда. Но, как мы говорили выше, реальную вину тоже никогда нельзя искупить до конца, ибо прошлого не вернуть. Другими словами, реальная вина не менее экзистенциальна, чем собственно экзистенциальная. Можно начать жить по-другому, осуществлять другие выборы – чувство вины уменьшится, но оно никогда не уйдет полностью.

Итак, тревога небытия тесно связана с чувством вины. Чтобы проследить эту взаимосвязь, как мы видим, недостаточно обыденного понимания смерти как прекращения физического существования. Если говорить о смерти как об источнике тревоги для человека, то мы будем понимать смерть как универсальную категорию, обозначающую *отсутствие чего-то безусловно важного для человека*. Мы выделили три составляющие этой категории. Первая составляющая категории смерти — конец, окончание чего-то безусловно важного (то есть нечто важное существовало, а затем прекратило свое существование). Пример очевиден – физическая смерть – окончание безусловно важной для человека жизни (его и других). Сама по себе эта составляющая категории смерти не связана тревогой небытия и чувством вины. Они появляются, только когда человек начинает взвешивать свои возможности. Тогда первая составляющая может преобразоваться во вторую.

Вторая составляющая – факт того, что нечто важное вообще не состоялось, *могло быть*, но не случилось. Примером может послужить нереализация потенциала человека. Когда человек не самоактуализируется, его неизбежно терзает тревога небытия, а значит, и чувство вины [3].

При этом стоит принять во внимание факт изначальной неспособности человека реализоваться до конца в пределах отпущенных возможностей. Это пример третьей составляющей категории смерти, которая состоит в том, что нечто важное и вовсе не могло состояться, т.е. оно принципиально невозможно. Человек никогда не сможет реализовать себя до конца, но осознание своих желаний никуда не уходит и не уйдет. То есть он никогда не смирится с невозможностью полной самоактуализации, а значит, не избавится от тревоги небытия и всегда неизбежно будет чувствовать свою виновность.

Итак, принципиальное несогласие человека жить в смертном мире – одна из причин постоянной тревоги и вины. Как же помочь человеку, испытывающему вину, если даже ее искупление весьма относительно? Это нелегкий и долгий путь. Главное, что нужно сделать на этом пути, – осознать свои желания и ограничения, принять вину как данность. Чувство вины, по мнению О. Лукьянова, – один из ключей к духовному развитию. Неисправимая дисгармония человека заставляет задуматься об изначальной несовместимой с миром нематериальной природе человека. Закончим словами Р. Мэя: «Улавливаемое нами противоречие свидетельствует... о духовности человеческой природы. Хотя мы сами бытийно обусловлены, конечны и несовершенны, по сути мы являемся носителями духовности, а это... привносит элемент необусловленности в природу человека, делая нас бесконечными и совершенными» [2, С. 22].

Литература

1. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. – М.: Класс, 2004. – 93 с.
2. Мэй Р. Открытие бытия. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004. – 200 с.
3. Солодушкина М.В. Феноменология понятий вины и стыда и их соотношение. // Проблемы актуализации молодёжного потенциала в условиях инновационного развития России: Материалы Молодёжного сибирского психологического форума / Под ред. С.А. Богомаза, Ю.В. Сметановой. – Томск: Дельтаплан, 2007. – С. 245-250.
4. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. – М.: Класс, 2004. – 572 с.

Возможности супервизорства в контексте активного социально-психологического обучения (АСПО)

Усатенко Оксана Николаевна⁹

аспирант

Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого, Черкассы, Украина

E-mail: uxana@ukr.net

Применение новых методов обучения и повышения квалификации в области психокоррекции является важным требованием, выдвигаемым к уровню подготовки психологов-практиков. Одним из таких методов является супервизорство (от англ. supervision – наблюдение, осуществление наблюдения, руководства над кем-либо), которая выступает формой корректирующего консультирования начинающего психолога (супервизируемого) специалистом-супервизором, что позволяет субъекту анализировать и корректировать свое поведение.

В мировой практике подготовки квалифицированных специалистов-психологов супервизорство является необходимой составляющей процесса обучения. Согласно требованиям обучающих организаций, независимо от направления профессиональной подготовки, обучение определенному методу производит один специалист, над личностной проблематикой работает другой, а супервизию проводит третий профессионал. Такая организация обучающего процесса позволяет начинающим психологам эффективнее овладевать профессиональными навыками.

Супервизорство является специфической формой обучения психологов-практиков. Для эффективного проведения супервизии специалисту-психологу необходимы знания теории и высокопрофессиональное владение практикой. Супервизор в значительной мере действует как консультант, что облегчает начинающему психологу процесс самопознания, помогает выявить личностные проблемы, выработать собственный стиль работы и определить направление профессионального развития. Супервизорство способствует личностному и профессиональному росту, развивает навыки практической работы в ситуации “здесь и сейчас”, способность адекватно оценивать результаты своей профессиональной деятельности.

Подготовка будущих психологов-практиков по методу активного социально-психологического обучения (АСПО), разработанному академиком АПН Украины Т. С. Яценко, предполагает проведение супервизии с обязательным учетом глубинно-психологических детерминант формирования психики субъекта.

Одной из форм проведения супервизии в контексте метода АСПО является работа не в триаде “супервизор – психолог – субъект”, а в виде групповой работы с психологами, которые являются участниками коррекционного процесса, что

⁹ Автор выражает признательность профессору, доктору психологических наук, академику АПН Украины Яценко Тамаре Семеновне за помощь в подготовке тезисов

обеспечивается идентификацией с супервизируемым. Преимуществом такой формы проведения супервизии является то, что в процессе работы, кроме начинающего психолога, участвуют и другие члены группы. Специалист анализирует не только процесс работы начинающего психолога, выбор используемых методов, но и специфику диалога в процессе глубинно-психологической коррекции, эмпирический материал субъекта, возникновение и подтверждение гипотез, что обуславливает эффективность процесса психокоррекции. Индивидуально-неповторимый эмпирический материал способствует выбору психологом тех или иных коммуникатов. Диалог с автором строится с учетом индивидуальной неповторимости психики субъекта. Эффективность диалога определяется профессиональным уровнем психолога и его личностной откорректированностью.

Личностная неоткорректированность обуславливает возникновение искажений в процессе диагностико-коррекционной работы. Искажения социально-перцептивной информации делают невозможным обеспечение надлежащего психокоррекционного результата. Объективность и непредвзятость в восприятии протагониста и его материала – важный фактор точной психодиагностики и успешной психокоррекции. Психологу важно осознавать и рефлексировать собственную личностную проблематику, обусловленную внутренними неосознаваемыми противоречиями психики. Неосознаваемая специалистом личностная проблематика актуализируется в процессе психокоррекционной работы, проявляясь в бессознательной потребности в подчинении и одобрении со стороны субъекта, неуверенности и пассивности психолога, чрезмерном желании управлять ним и опекать его, актуализации негативных реакций или агрессивности протагониста. Такое поведение психолога усложняет установление эмоционального контакта с субъектом, негативно влияет на аналитическую работу, вследствие актуализации у него сопротивлений.

Процесс супервизии позволяет выявить типичные ошибки профессионального взаимодействия психолога с участниками группы АСПО, которые обусловлены его личностной проблематикой. При таких условиях профессиональная работа может приобретать характер “хождения на одном месте”. В теоретическом плане это может быть недостаточное понимание внутренней динамики психики; функциональных особенностей бессознательного и его взаимосвязей с сознательным; организации и отдельных проявлений системы психологических защит; деструктивных последствий влияния психологических защит на субъекта, что может проявляться в искажении социально-перцептивной информации. В практическом плане непрофессионализм психолога выражается в нарушении как групповых принципов организации группы, так и принципов развития группы, а также во влиянии личностной проблематики начинающего психолога на структурирование группового процесса и психокоррекционное воздействие. Непрофессионализм психолога проявляется в непонимании взаимосвязи между сознательной и бессознательной сферами психики субъекта и влияния этих взаимосвязей на характер психологических защит; происходит ее ограничение сознательными аспектами; не владение инструментарием процессуальной психодиагностики при личностной психокоррекции;

Все это может привести к нарушению этических норм, которые предполагают равенство позиций (психолога и протагониста), незаметность психологического влияния, высокую эмоциональную сензитивность, умение недирективного моделирования ситуаций общения, использование вербального и невербального материала клиента для изучения его личностных проблем, использование творческого потенциала для изобретения каждый раз новых приемов, максимально адаптированных к своеобразию проблем клиента. Последнее необходимо в профессиональной деятельности психолога-практика, поскольку личностные проблемы каждого человека индивидуально неповторимы. Поэтому важно, чтобы психолог умел работать с материалом в ситуации ”здесь и теперь”, со всем тем, что он видит, слышит, воспринимает, чтобы умел целостно вступать во взаимодействие с клиентом, занимать

партнерскую позицию, осуществлять неявное управление групповым процессом и индивидуальной психокоррекцией, основанной на процессуальной психодиагностике. Такие условия наиболее полно обеспечиваются в групповой психокоррекции и, особенно, в варианте ориентации на глубинно-психологическое познание.

Супервизорство открывает новые перспективы для сотрудничества высококвалифицированных специалистов с начинающими психологами. Практика АСПО подтверждает, что эффективным является синтез общепринятого метода супервизии с глубинно-психологической работой над личностной проблематикой молодого специалиста-психолога, что, в свою очередь, способствует его личностному и профессиональному росту.

Исследование изменения личностной направленности у россиян в связи с распадом СССР и образованием нового государства РФ.¹⁰

Хренова Анастасия Дмитриевна

молодой ученый

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: personpsy@yandex.ru

Прекращение существования СССР и образование нового Российского государства повлекло за собой не только радикальные изменения в политической, экономической и социальной жизни общества (Киселев 1990, Gordon Smith 1999), но и вызвало определенные изменения в сознании людей, став тем фактором, который, во многом, обуславливал личностные изменения старшего поколения и определял сознание младшего.

Интерес психологов к данному событию, преимущественно, концентрировался в области социальной психологии в рамках исследования общественного сознания и массовой реакции (Лебедева 1999, 2002, Татарко 1999, Петухов 2004)

В нашем исследовании акцент был поставлен на индивидуальных личностных изменениях, а именно мотивационной направленности, отвечающей смыслу жизни, находящей свое отражение в личностных ценностях, а также ведущей деятельности субъекта (Леонтьев А.Н., Леонтьев Д.А.).

В качестве основного метода получения данных использовался метод структурированного интервью. В качестве вспомогательных выступали: методика ЦО М.Рокича, опросник БКЦ С.Шварца, тест СЖО, 16PF Kettell. Выборка состояла из 173-ти испытуемых нескольких возрастных групп.

В результате проведения данного исследования были выявлены и описаны 7 типов трансформации мотивационной направленности личности, выступающих в качестве реакции на перестройку 90-х годов в России:

1. «Случай» – событие произошло в истории и информативно коснулось жизни данного человека, никак не повлияв на его мотивационную направленность (См. рис. №1).

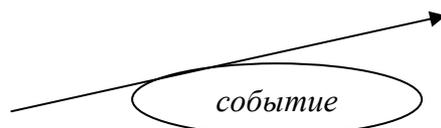

Рис № 1

¹⁰ Научный руководитель: профессор Вячеслав Андреевич Иванников

2. «Испытание» – перестройка явилась неким препятствием для человека на пути достижения его собственных целей, для преодоления которого ему потребовалось потратить много времени и сил. (См. рис. №2).

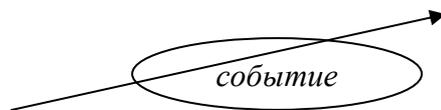

Рис № 2

3. «Переворот» – Перестройка полностью изменила жизнь, ценности и деятельность человека. Полностью изменилась общая мотивационная направленность человека. При этом адаптация к новым условиям произошла очень быстро. Перестройка в этом случае выступает как некий катализатор актуализации скрытых ресурсов человека (См. Рис. №3).

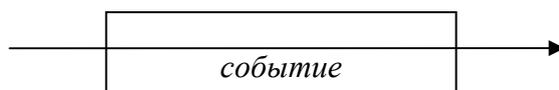

Рис № 3

4. «Изменение ценностей» – Перестройка вызвала долговременное и глубокое изменение ценностей, но при этом не оказала влияния на профессиональную деятельность человека. Постепенно происходила адаптация к новым условиям (См. Рис. №4).

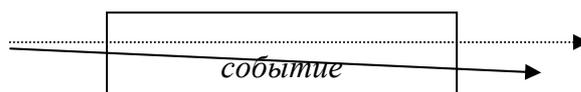

Рис № 4

5. «Изменение профессии» – Профессиональная деятельность человека изменилась, но ценности оказались сохранными. Адаптация к новым условиям жизни произошла успешно (См. Рис. №5).

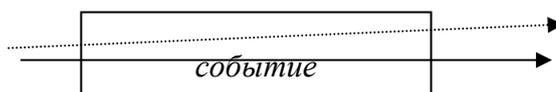

Рис № 5

6. «Дети перестройки» А) Для молодого поколения перестройка стала неким свершившимся фактом, отправной точкой для развития личности. Формирование внутренних ценностей человека происходило уже на базе социальных ценностей, которые были выработаны в обществе в ходе перестройки. Б) К этой же группе мы условно отнесли людей, которые оказались в ситуации профессионального и личностного самоопределения как раз в период перестройки 90-х годов в России (См. Рис. №6).

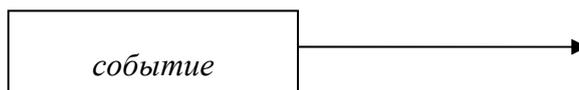

Рис № 6

7. «Ценностная дезадаптация» – Речь идет о «застрявших в перестройке», для которых перестройка стала неким ударом, после чего они так и не смогли адаптироваться к новым условиям. Ценности их не изменились, но при этом стали расходиться с окружающей их действительностью, что могло создать почву для внутреннего конфликта (См. Рис. №7).

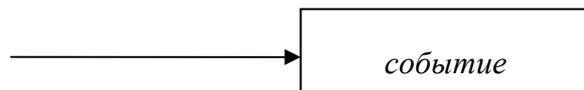

Рис № 7

Литература

1. Лебедева Н.М. Динамика базовых ценностей россиян и их взаимосвязь с установками экономического поведения (1992-2005гг.) – Фонд Либеральная миссия
2. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М: Смысл; 2004г
3. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личности: социогенез и феноменология ценностей // Вестник МГУ, сер. 14, 1996, №4
4. Ядов В.А., ред, Россия: трансформирующееся общество, М, 2001г
5. Glad Betty The Russian transformation : Political, sociological, a. psychological aspects – New York: St. Martin's press, 1999

Модель технической одаренности как основа процесса диагностики

Шевченко Юлия Андреевна¹¹

молодой ученый

Пермский государственный педагогический университет, Пермь, Россия

E-mail: yussh@mail.ru

Обосновывая социальный аспект взаимодействия человека и техники, философия наделяет последнюю культуротворческой функцией, связанной с исходными методологическими установками исторических этапов развития техники (образец, базовая операция, символ). Актуальность исследования технической одаренности в настоящее время связана с символизацией предметов потребления, что требует гибкости, информатизации производства, восстановления привлекательности труда. На успешность взаимодействия человека и техники в этих условиях, безусловно, окажут влияние особого рода индивидуальные различия.

В психологическом аспекте исследований взаимоотношений человека и техники мы выделили две противоположные тенденции: технократическую и гуманистическую. В русле обеих тенденций техническая одаренность будет являться фактором успешности взаимодействия, однако, в первом случае речь, на наш взгляд, идет об адаптивной функции технической одаренности, а во втором – техническая одаренность выступает фактором самоактуализации в специфических условиях. Эта позиция нам более близка. Исходя из положений о том, что техника выступает границей субъекта и объекта и специфическим регулятором отношений «человек – общество» (Федяев Д.М., 1998), мы приходим к предположению, что техническая одаренность личности расширяет границы ее субъектности, а также способствует успешной самореализации в условиях современного общества. Таким образом, своевременная и корректная диагностика технической одаренности имеет значение как для личности, так и для общественного развития в целом.

Учитывая современное представление об одаренности как об интегральном явлении, в процессе мониторинга необходимо сместить акцент с фиксации и описания результатов деятельности на изучение индивидуального своеобразия деятельности и особенностей личности, лежащих в его основе. Предположить, какие именно уровни и отдельные характеристики индивидуальности должны быть исследованы в процессе диагностики можно, лишь тщательно изучив модель одаренности конкретного вида. Понимание сущности изучаемого явления поможет правильно обозначить цель и задачи мониторинга,

¹¹ Автор выражает признательность профессору, д.пс.н. Хрустальной Т.М. за помощь в подготовке тезисов.

определить предмет и объект исследования, отобразить соответствующий диагностический инструментарий.

Несмотря на богатые традиции изучения отдельных аспектов взаимодействия человека и техники (процесса технического творчества и изобретательства, технического интеллекта, технического мышления и т.д.), а также теоретическую и практическую значимость темы, техническая одаренность как самостоятельное явление впервые выделяется лишь в работах В.А. Моляко, (1986) и в настоящее время разработка этой проблемы ведется только в рамках Киевской психологической школы под руководством В.А. Моляко и Р.С. Пономаревой-Семеновой.

Предлагаемая нами модель технической одаренности учитывает опыт предыдущих исследований, а также современный принцип интегративности одаренности. Полученная модель композиционно и содержательно перекликается с моделью общей одаренности Дж. Рензулли (Renzulli J.S., 1986). Графически наша модель представляет собой пересечение четырех (в отличие от трехкольцевой модели Дж. Рензулли) окружностей, каждая из которых связана со вкладом в феноменологию технической одаренности таких явлений как технический интеллект, техническая креативность, деятельностно-практические компоненты технических способностей и специфическая мотивация личности.

Технический интеллект рассматривается нами как системное явление. К такому пониманию мы пришли, опираясь на работы по профессиональному интеллекту А.И. Кафтульева (рассматривает интеллект как систему анализаторов), и А.М. Василевской (описывает систему групп оперирования специфическими образами). Исследования М.А. Холодной (2002) позволяют нам уйти от понимания интеллекта как совокупности познавательных процессов и других когнитивных феноменов к метапсихологическому интегральному представлению об интеллекте. В этой связи технический интеллект представляется нам формой организации индивидуального ментального опыта в виде специфических ментальных структур, связанных с получением технической информации, управлением процессом ее переработки, специфическими формами и диапазоном отражения. На наш взгляд, характеристиками технического интеллекта являются техническая понятливость, понимание механико-технических соотношений, особенности отражения физических феноменов, пространственных явлений и взаимодействий.

Техническая креативность, как таковая, мало исследована в психологической литературе. Этот компонент выделяется нами на основе обязательного включения в различные модели технических способностей таких явлений как конструкторская фантазия, творческий подход к решению конструкторских задач, нестандартность технического мышления. Проведенная нами серия интервью с яркими представителями одаренных в области техники людей (изобретатели, конструкторы) позволяет предположить, что упомянутые характеристики нельзя однозначно сводить к проявлению общей креативности в конкретной сфере, поскольку во многих случаях данное качество не выражено в общем личностном плане, и в случае необходимости нестандартного действия в разных сферах деятельности привлекается именно *техническое* воображение, задача переводится в специфическую плоскость.

В отличие от технического интеллекта, связанного с ментальными структурами, особенностями отражения и переработки информации, в группу *деятельностно-практических компонентов технических способностей*, мы включаем характеристики способов действия, процесса решения задач. Таким образом, технический интеллект определяет когнитивные возможности, потенциал, а компоненты данной группы связаны с характеристиками действующей (в области техники) личности.

В связи с тем, что технические задачи можно разделить на теоретические и практические, психические феномены, относимые нами к данной группе, будут, очевидно, проявляться на теоретическом и практическом уровнях. В первом случае мы связываем их с особенностями технического мышления, а во втором – со специфическим явлением, упоминаемым в литературе как «ручная умелость», «мануальная ловкость». Последний термин представляется нам более удачным. Теоретический анализ позволяет предположить,

что ручная ловкость представляет собой сложное явление, обусловленное различными уровнями индивидуально-психических процессов, несводимое лишь к хорошей координации движений (как иногда трактуется это качество). Н.А. Берштейн называет ловкость «двигательной находчивостью» (1948), и в этой связи нам представляется уместным рассматривать ее с техническим мышлением на разных уровнях деятельности.

Сфера мотивации связана в нашей модели с такими характеристиками как интерес к технике и техническим задачам, склонность к технической деятельности, изобретательству, конструированию.

Описанная модель технической одаренности прошла эмпирическую проверку на выборках подросткового и юношеского возраста (обработка некоторых результатов данного исследования продолжается в настоящее время и, возможно, позволит внести некоторые уточнения). Таким образом, она может служить ориентиром для создания целостных комплексных программ мониторинга технической одаренности в системах общего и профессионального образования, профориентации и профконсультирования.

Некоторые подходы к построению классификаций в психологии

Шилко Роман Сергеевич

молодой ученый

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: rshilko@mail.ru

В методологии психологии можно выделить два основных подхода к построению классификаций: категориальный и измерительный. Категориальный подход основывается на предположении о том, что различие между классифицируемыми объектами является качественным. Измерительный подход, напротив, основывается на предположении о том, что это различие является количественным, так как многие психические процессы и свойства рассматриваются как континуальные.

Разумеется, часто эти два подхода используются интегрированным образом при построении классификаций. В частности, в области клинической психологии, где многие классификации касаются проблемы нормы, была разработана пороговая модель поведения, сочетающая в себе оба указанных подхода. Эта модель основывается на допущении, что человек может проявлять определенные характеристики поведения, свидетельствующие о нарушении, при отсутствии в субъективном опыте представлений о нарушении или его последствиях, но только до определенной степени или порога. Однако после перехода этой пороговой точки (которую можно рассматривать как точку на континууме, то есть количественно) происходит проявление в субъективном опыте имеющихся нарушений, что дает человеку основание для обнаружения у себя этих нарушений.

При диагностике психических нарушений важной задачей является определение синдрома, понимаемого как комплекс симптомов, которые устойчивым образом проявляются вместе и являются потенциальными индикаторами определенного психического нарушения. Некоторые симптомы можно обнаружить не путем наблюдения за поведением, а в результате анализа самоотчетов людей об их состоянии. Поэтому иногда успех диагностики определяется возможностью учесть как особенности поведения, так и данные самонаблюдения обследуемого человека.

При разработке классификаций необходимо учитывать два важных требования:

1. специфичность — возможность исключать несоответствующие классу объекты (при недостаточной специфичности возрастает вероятность ошибочных включений объектов в класс, например, установление психического нарушения при его отсутствии в действительности);

2. сензитивность — возможность учитывать соответствующие классу объекты (при недостаточной сензитивности возрастает вероятность ошибочных исключений объектов из класса, например, отсутствие установления психического нарушения при его наличии в действительности).

Существуют два диагностических подхода — монотетических классов и политетических классов — в которых акцентируются недостатки и преимущества позволяют низкой специфичности и сензитивности.

Монотетическая категория определяется как признак, необходимый и достаточный для установления принадлежности к определенному классу. Эта категория является самой однородной среди других, что способствует увеличению специфичности, но одновременно понижает сензитивность. Преимущества этого подхода состоят в повышении эффективности учета новых фактов и снижении вероятности недоучета психических нарушений, особенно в неопределенных ситуациях. Недостаток связан с низкой сензитивностью, то есть повышением вероятности исключить соответствующие классу объекты.

Политетическая категория предоставляет широкий набор характеристик, которые не являются ни необходимыми, ни достаточными. Каждый член категории может содержать минимальное число признаков, и не все члены группы могут содержать каждый из признаков. Высокое разнообразие признаков повышает сензитивность, но одновременно приводит к уменьшению специфичности.

Социально-психологические барьеры в развитии и реализации творческой одаренности

Шишлянникова Ангелина Сергеевна

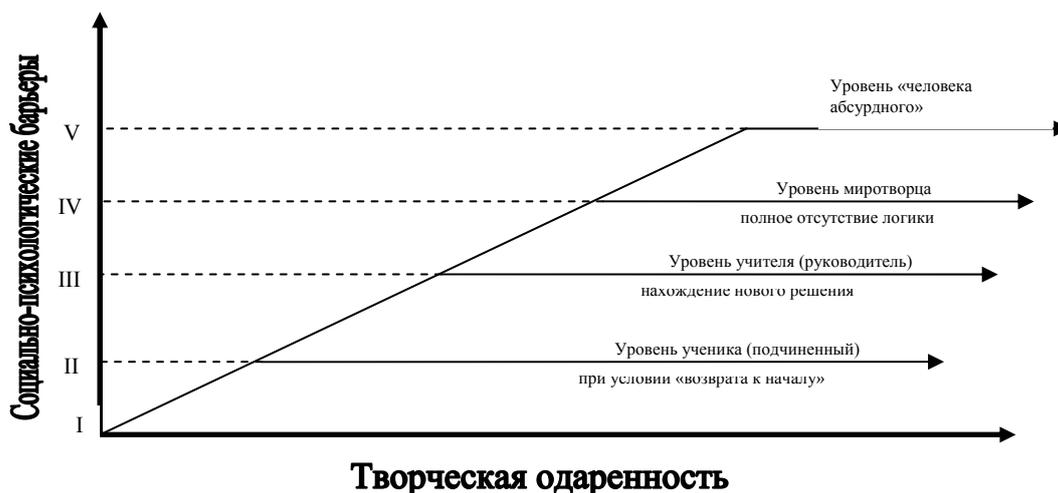
студентка

Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Россия

E-mail: Efterpa@bk.ru

А. Шопенгауэр писал: "Как известно, гениальность редко встречается в союзе с преобладающей разумностью; напротив, гениальные индивидуумы часто подвержены сильным аффектам и неразумным страстям" [7] Творческую одаренность, гениальность можно рассмотреть с точки зрения абсурда, так как люди, которые обладают данными качествами абсурдны во всем — у них преобладает алогичное мышление. Если обратиться к толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово "абсурд" означает — нелепость, бессмыслица [8]. Мы будем понимать абсурдом — врожденное качество, основанное на безусловном влечении индивида к реализации своей индивидуальности, носящее бессмысленный характер. Под индивидуальностью понимаются те задатки и способности, которые способствуют развитию определенного характера творческой одаренности.

На представленном графике можно проследить, каким образом социально-психологические барьеры влияют на развитие творческой одаренности.

I. Барьер природной ограниченности. Этот барьер является самым первым. Человек рождается на свет уже с определенными правилами развития (которые и составляют первый барьер). На этом уровне степень абсурдности выражена очень сильно, так как некоторые поступки ребенка на данном этапе для нас непонятны и бессмысленны. За счет этих неадекватных поступков идет всестороннее развитие познавательной сферы ребенка.

II. Барьер первичности. Данный барьер является единственным, когда абсурд проявляется хаотично и очень часто. Если индивид принимает данного рода проявления не имеющие социальной обусловленности и характерные только для него, то мышление человека приобретает форму алогичного мышления и абсурд переходит с внутреннего плана во внешний. Индивид постепенно принимает свою естественную форму.

III. Барьер "принцип разносторонности". При решении каких-либо новых задач, проблем используют теоремы придуманные, открытые когда-то гениальными людьми. В этом и заключается основная проблема прохождения этого барьера, так как слишком много теорий, предположений, мнений, суждений на которые нам необходимо опираться, зажимают творчество в определенные рамки и занимают большое количество места в нашем сознании, где почти не остается места для собственных мыслей. Нахождение нового решения является основным условием реализации творческой одаренности на данном этапе.

IV. Барьер личностного восприятия. Постоянная смена воздействия на индивида естественного и приобретенного приводит его в состояние стресса, замешательства, неопределенности в своих поступках, мыслях. Это является основной детерминантой барьера личностного восприятия. Восприятие себя таким какой ты есть удается не всем, но тот кто этого добился достигает уровня "миротворца". На этом уровне человек сам, независимо от других, творит свой индивидуальный мир. Восприятие себя как индивидуальности предполагает полный отказ от стереотипного мышления и утверждение своего креативного алогичного мышления. Если на предыдущих этапах алогичное мышление постепенно формировалось, то на данном этапе оно совершенствуется и реализует абсурд, позволяя перейти индивиду на следующий последний этап.

V. Барьер адаптации. Уровень "человека абсурдного". Объединение всех сущностных сил человека, проявление всех его личностных особенностей в деле способствуют развитию индивидуальности, подчеркивают, наряду с общими для многих признаками, его уникальные и неповторимые черты. Если человек освоил творчество в

полной мере – и по процессу его течения и по результатам – значит, он вышел на уровень духовного развития и его можно назвать – "человек абсурда".

Творчество как "замороженный в бессознательном потенциал" проявляющиеся постепенно под влиянием "жаркой среды", используется индивидом в определенной области при помощи творческих способностей. Поэтому между процессом творчества и реализацией способностей человека в общественно значимой деятельности, которая приобретает характер самореализации существует прямая связь. Наиболее полное раскрытие способностей человека возможно лишь в общественно значимой деятельности, которая осуществляется при прохождении социально-психологических барьеров. Важно, чтобы осуществление этой деятельности детерминировалось не только извне (обществом), но и внутренней потребностью самой личности. Деятельность личности в этом случае становится самодеятельностью, а реализация её способностей в данной деятельности приобретает характер самореализации.

Литература

1. Ермолаева-Томина Л.Б. Психология художественного творчества – М. 2003г.
2. Горбачевский В. Ф. Психологический барьер на пути к научному открытию // Проблемы философии и социологии / Под ред. Б. Д. Парыгина. — Л., 1968.
3. Кулагина И.Ю., Колюцкий В.Н.: Возрастная психология – М.2004г.
4. Парыгин Б. Д. Психологический барьер и его природа // Социальная психология и философия. – Л., 1975. – Вып. 3.
5. Мясичев В.Н. Личность и неврозы. – Л., 1960.
6. Фрейд З. Психология Я и защитные механизмы. – М, 1993.
7. Шопенгауэр А. Афоризмы и истины – М. 2003 г.
8. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой

Методология детской монетарной психологии

Яворский Максим Васильевич,

молодой ученый

Национальный университет им. Б.Хмельницкого, Черкассы, Украина

E-mail: jaworski@ukr.net

Психологические проблемы связанные с оборотом денег в социальной среде интересуют все большее количество специалистов разных наук. Особенно актуальной на сегодняшний день является задача углубления знаний в области так называемой экономической социализации. Понимание того, как у ребенка формируется экономическое знание, как и какими путями развивается его экономическое мышление, позволит в дальнейшем сформировать правильную экономическую культуру у подрастающего поколения, безболезненно войти в динамические условия рыночной экономики 21 века. Современное государство, коммерческие структуры, финансовые учреждения вынуждены рассматривать молодого человека в качестве активного субъекта рыночных отношений, поскольку дети и подростки являются носителями довольно солидного денежного баланса в качестве карманных денег, денег полученных за выполнение дополнительных работ.

На основе проведенного исследования теоретических источников мы пришли к выводу о том, что основными методами изучения психологических аспектов экономического поведения и монетарных взаимодействий являются интервью и ролевые игры. Первые исследователи зачастую обращались к интервьюированию (К. Баррис, К. Данцигер, Т. Саттон, С. Строс). Полученные ответы группировались по значимым характеристикам и представлялись в качестве результата эксперимента. Основными

проблемами данной формы проведения эксперимента оказывались коммуникативные сложности обусловленные возрастным барьером, а также недостаточное количество испытуемых для репрезентативности выборки. Однако очень часто на основе полученных результатов подобных экспериментов исследователи выдвигали суждения о наличии определенных закономерностей.

Более продуманным и качественным можно считать использование приемов ролевых игр в качестве экспериментальной базы изучения психологических характеристик монетарных структур у детей (Р. де Бени, А. Берти, А. Бомби, М. Яхода). Обычно в таком случае исследователем создавалась некая экономическая структура, в которой предлагалось принять участие детям определенного возраста или социального положения (игрушечный магазин, булочная, цветочный киоск). Между участниками распределялись роли (поставщик, продавец, покупатель) и ставились определенные задания (покупка, продажа, перепродажа). Наблюдения за действиями участников эксперимента позволяло делать определенные умозаключения относительно возрастных рамок понимания экономических аспектов, находить зависимости между социальным статусом ребенка и его монетарной образованностью.

Учитывая более обширную методологическую базу практической психологии, считаем необходимым значительно расширить батарею методик изучения психологических характеристик экономического и монетарного поведения ребенка за счет проективных методик (специальных рисуночных тестов, тест «незаконченных предложений»), использования элементов сказкотерапии, психорисунков, притча-терапии и арт-терапии; разнообразить ситуационные границы ролевых игр и внести в них элементы взаимодействия в семье, среди одноклассников, и так далее.

По мнению автора это позволит значительно углубить систему существующих знаний о экономическом видении ребенка, подростка.